

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит один раз в год

№ 6

2017

Учредители

Алтайский государственный университет
Некоммерческое партнерство «Палата судебных экспертов Сибири»
Региональная общественная организация Алтайского края Ассоциация
лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис»

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория
судебной экспертизы

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный
центр судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по
Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и
прикладных исследований Пензенского государственного университета

К.И. Бринев, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Модераторы журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория
судебной экспертизы

Г.Н. Аксенова, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 413-а.

Тел./Факс: 8 (3852) 296619. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

ISSN 2587-9332

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая коммуникация

М. М. Мушнина. О немецких комментариях как типе текста.....	3
--	---

Юридическая техника

А. А. Васильев, О. Е. Зацепина. Презумпции и фикции как элементы текста нормативно-правового акта.....	19
---	----

Юридическая герменевтика

М. А. Боловнев, Е. Е. Руф. Понятие «справедливость» в гражданском судопроизводстве: юридико-лингвистический анализ	32
И. В. Рехтина, Е. Е. Руф. Толкование и применение категории «разумные сроки» в гражданском судопроизводстве	41

Речевые правонарушения

А. А. Селина, Ю. В. Холоденко. Удаление информации в сети Интернет как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан	51
А. В. Снигирев. Отражение правонарушений, вызванных речевыми конфликтами, в юридических документах периода создания единого московского государства.....	58

Лингвоэкспертология

Е. Е. Абрамкина. Исследование гипонимической связи слов в лингвистической экспертизе официально-деловых текстов.....	68
Ю. В. Донскова. Лингвистическая экспертиза различительной способности коммерческого наименования (на примере словосочетания «умный крем»).....	79
Г. С. Иваненко. Люди нашего царя (к вопросу о методике анализа семантико-грамматической конструкции в лингвистической экспертизе).....	89

Суггестивная функция языка и речевое манипулирование

Е. А. Тихомирова. Речевое воздействие в текстах френдленты социальной сети.....	102
--	-----

CONTENTS

Legal communication

M. M. Mushchinina. German commentaries as a text type	3
--	---

Legal techniques

A. A. Vasiliev, O. E. Zatsepina Presumptions and fictions as the elements of the text of the normative-legal act.....	19
--	----

Legal hermeneutics

M. A. Bolovnev, E. E. Ruf. The concept of «justice» in civil proceedings: legal linguistic analysis.....	32
I. V. Rekhtina, E. E. Ruf. Interpretation and application of category “reasonable time” in civil proceedings.....	41

Speech offenses

A. A. Selina, Y. V. Kholodenko. Deleting information in the internet network as a way of protection of honor, dignity and business reputation of citizens	51
A. V. Snigirev. Reflection of law offenses caused by speech conflicts in the legal documents of the development of a unified muscovite state	58

Linguoexpertology

E. E. Abramkina. The analysis of hyponimic word relations in the linguistic examination of official texts.....	68
Y. V. Donskova. Linguistic expertise in ascertaining the distinctiveness of a trade name (“smart cream” case study).....	79
G. S. Ivanenko. People of our czar (to the method of analysis of the semantic and grammatical structure in linguistic expertise).....	89

Suggestive function of language and speech manipulation

E. A. Tikhomirova. Speech influence in friendlist texts of the social network	102
--	-----

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81.11, ББК 81.432.4, ГРНТИ 16.31.02, КОД ВАК 10.02.19

М. М. Муццинина

Саарбрюккен, Германия

О НЕМЕЦКИХ КОММЕНТАРИЯХ КАК ТИПЕ ТЕКСТА

*В статье рассматриваются особенности немецких комментариев к законам: история возникновения и развития этого типа текстов, их функция в немецкой юридической системе, а также их типология. Кроме того, проводятся некоторые параллели с российскими комментариями. Немецкие комментарии являются важнейшим источником информации во всех сферах юридической деятельности и связующим звеном между юридической практикой и юриспруденцией. Они сопровождают немецких юристов со студенческой скамьи в течение всей профессиональной жизни. Комментарии в значительной степени влияют и на судопроизводство, и на законотворчество, и на развитие всей правовой системы. Они обладают в немецкой правовой системе настолько большим весом, что могут формировать так называемое «господствующее мнение» (*herrschende Meinung*) – мнение по определенному вопросу, которого придерживается большинство специалистов и которому, как правило, следуют судьи.*

*Возникнув в начале 19 века в рамках научного дискурса, комментарии вскоре получили применение и в юридической практике. Богатые традиции составления комментариев обуславливают высочайшие требования к их структуре и содержанию современных немецких комментариев. В статье на примере нескольких комментариев к Гражданскому уложению Германии (BGB) рассматриваются отличительные особенности их основных типов. В частности, речь идет о наиболее подробных «больших» комментариях (*Großkommentare*), «кратких» комментариях (*Kurzkomentare*), для которых характерно предельно сжатое представление большого объема информации, «практических» комментариях (*Handkommentare*) для каждодневного пользования и «учебных» комментариях (*Studienkommentare*), которые составляются прежде всего для студентов юридических факультетов.*

Ключевые слова: комментарии к законам, немецкая правовая система.

Сведения об авторе: Мария Михайловна Мушчинина, доктор филологических наук, сотрудник Института славистики, тюркологии и балканистики университета Иоганна Гутенберга, г. Майнц, Германия. E-mail: info@mushchinina.com

M. M. Mushchinina

Saarbrücken, Germany

GERMAN COMMENTARIES AS A TEXT TYPE

The article considers peculiarities of German commentaries to the laws: their history and development of this type of texts, their function in the German legal system, and also their typology. In addition, some parallels with Russian commentaries are drawn. German commentaries are the most important source of information for lawyers in all areas of their activity. They create a connection between legal practice and jurisdiction. Commentaries accompany the lawyers beginning from the studies and during the entire professional life. Commentaries largely affect the legal process, the lawmaking, and the development of the legal system. They are of so much importance in the German legal system that they can form so-called "prevailing opinion" (herrschende Meinung) - an opinion on a particular issue, which most experts adhere to and which, as a rule, judges follow.

Originating in the early 19 th century in the framework of scientific discourse, comments soon received application in the legal practice. The rich traditions of commenting make the highest demands on the structure and content of the commentaries. In the article, using the example of several commentaries for the German Civil Code (BGB), the distinctive features of their main types are considered. In particular, we are talking about the most detailed "large" commentaries (Großkommentare), "short" commentaries (Kurzkommentare), which are characterized by an extremely compressed representation of a large amount of information, "practical" commentaries (Handkommentare), for everyday use, and "educational" commentaries (Studienkommentare), which are made primarily for students of law.

Key words: legal commentaries, German legal system.

About the author: Dr. habil. Maria M. Mushchinina, PhD, Research fellow at the Institute of Slavic Studies, Turkology and Circumbaltic Studies, University Johannes Gutenberg, Mainz, Germany, E-mail: info@mushchinina.com

1. О традициях в дискурсе различных дисциплин.

Каждая сфера специальной коммуникации возникает и развивается под влиянием различных факторов, которые могут быть как универсальными, так и обусловленными определенными культурными особенностями. Эти факторы

определяют, в частности, содержание и формальные характеристики специальных текстов. Соотношение между универсальными и культурными факторами зависит от специфики дисциплины. Если содержательный компонент сферы специальной коммуникации зависит от культурных особенностей лишь незначительно (так происходит в области точных наук), то вероятность того, что специальный дискурс также будет обусловлен ими, невысока. В таких случаях дискурс универсален в разных языках и культурах. Если же содержательный компонент в значительной степени определяется культурными особенностями в самом широком смысле (историческими, политическими и др.), то они определяют и характеристики дискурса в этой специальной области, а также его текстов. Так происходит, в частности, в области права.

Особенности текстов, обусловленные традициями внутри дисциплины, могут проявляться различным образом: например, наличием или отсутствием определенных типов текстов, их функциями и формальными особенностями. Так, в российской юридической сфере в рамках института лингвистической экспертизы возник специальный тип текстов – тексты лингвистической экспертизы, которые в определенных правовых вопросах могут использоваться в судопроизводстве. Такие тексты следует отличать от других текстов лингвистической экспертизы, которые, конечно, присутствуют в большинстве правовых систем, как, например, экспертные заключения по установлению автора текстов или его происхождения, экспертизы речевых произведений, товарных знаков и проч. [Баранов 2007: 6–8]. Экспертизы, рассматривающие спорные случаи языкового употребления (например, инвективность), в Германии распространены в значительно меньшей степени: там рассмотрением и оценкой подобных случаев занимаются, как правило, сами судьи.

В данной статье речь пойдет о немецких комментариях к законам, которые представляют собой пример проявления культурных особенностей коммуникации на нескольких уровнях. С формальной точки зрения комментарии – это прежде всего информативные тексты, как и многие другие

тексты юридической практики (экспертизы, протоколы и др.) и юриспруденции. Формально они не имеют юридической силы, что отличает их от перформативных юридических текстов (судебных решений, ордеров на арест и проч.). Однако они опосредованно влияют на другие юридические тексты, а тем самым и на всю юридическую систему.

2. История возникновения и типы комментариев в Германии.

Комментарии играют в немецкой юридической практике особую роль. Без этих текстов нельзя себе представить ни судопроизводство, ни законотворчество, ни юридическое образование. Судьи в своих решениях формально не обязаны следовать комментариям. Однако в немецких комментариях представлена квинтэссенция научных публикаций, наиболее важных судебных решений и законопроектов; в них учтены как догматические юридические принципы, так и принципы юридической методологии [Gast 1997: 55]. Поэтому они являются для немецких юристов важнейшим источником информации.

Комментарии как тип текста впервые возникли в континентальном праве и, в частности, в Германии в конце 19 века. Первым типом комментариев был так называемый «большой» комментарий (Grosskommentar) – комментарий «Штаудингер», изданный впервые в 1903 году. Такие комментарии, как «Штаудингер», составлялись преимущественно представителями юридической доктрины, а не юристами-практиками. Поэтому они были прежде всего платформой для обмена мнениями в рамках научного дискурса. Однако уже с 20-х годов XX века в составлении комментариев начали принимать участие и практикующие юристы. Они создали «краткие» комментарии (Kurzkommentare), которые предназначались в первую очередь для юридической практики. Поначалу сферы деятельности юридической науки и практики мало соприкасались между собой, поэтому представители юридической доктрины начали принимать участие в составлении кратких, практических комментариев лишь спустя несколько десятилетий [Henne 2006: 354]. Сейчас типология комментариев значительно расширилась. В частности,

существуют и такие практические комментарии, которые, опираясь прежде всего на судопроизводство и лишь незначительно учитывая доктрину, по своему объему и подробности рассмотрения отдельных вопросов не уступают многотомным «большим» комментариям. Таков, например, практический комментарий Гражданского уложения Германии *juris PraxisKommentar BGB* в шести томах, составленный группой соавторов: Хербергер, Мартинек, Рюсман и Вет.

Возникновение и быстрое распространение комментариев с конца 19 – начала 20 веков было обусловлено осознанием того, что законы не способны охватить все возможные случаи юридической практики, а также стремлением сделать законы более понятными. Поэтому с самого момента возникновения комментариев необходимость их составления практически не ставилась под сомнение. Комментарии составлялись, вопреки ожиданиям, даже на так называемый «Народный кодекс» (*Volksgesetzbuch*) времен национал-социализма. «Народный кодекс» был неудачной попыткой Академии немецкого права (*Akademie für Deutsches Recht*) заменить Гражданское уложение, действующее с 1900 года, сборником законов, соответствующим идеологии Третьего рейха [Henne 2006: 354].

Типология немецких комментариев обусловлена их целью. Основными типами являются:

- многотомные «большие» комментарии (*Großkommentare*),
- одностомные «краткие» комментарии (*Kurzkomentare*),
- «практические» комментарии (*Handkommentare*) и
- учебные комментарии (*Studienkommentare*).

В связи с богатой традицией составления комментариев и их большим количеством на рынке требования к их содержанию и формальным качествам исключительно высоки. Критерии составления имеют различный вес в зависимости от типа комментария. В то время как для «больших» комментариев на первом месте стоит подробность изложения и их составители, как правило, не связаны формальными рамками, составители «кратких»

комментариев представляют большой объем информации в сильно сжатой форме. Однако идеалом для комментариев любого типа является сочетание предельно подробного представления актуального судопроизводства и наиболее важной специальной литературы [App 1994: 160-161].

Кроме того, существуют две тенденции в представлении материала в комментариях – ретроспективный подход, основанный в первую очередь на прошлом судопроизводстве, и перспективный подход, при котором составители пытаются разработать критерии рассмотрения возможных случаев в будущем. На практике же большинство комментариев сочетают в себе различным образом оба подхода [App 1994: 162].

3. Примеры немецких комментариев к Гражданскому уложению Германии (BGB).

Чтобы проиллюстрировать особенности разных типов комментариев, приведем по одному примеру для каждого типа.

– «Большие» комментарии (Großkommentare). Пример: «Штаудингер» (Staudinger).

Самый старый и один из наиболее подробных комментариев по гражданскому праву Германии – это комментарий «Штаудингер», названный так в честь его основателя Юлиуса фон Штаудингера. В общей сложности комментарий охватывает 96 томов, в составлении которых на настоящий момент участвуют около 140 авторов. Несмотря на то, что в комментариях подобного типа сокращения не так распространены, как в кратких комментариях, без них не обходятся и «большие» комментарии. Так, список сокращений в комментарии «Штаудингер» занимает более 130 страниц. Перед каждым разделом Гражданского уложения в «Штаудингере» приводится объемный список литературы, систематический обзор важных для данной темы понятий, исторический обзор по теме, а также подробно рассматривается место данного юридического вопроса в правовых системах Германии и других стран. По тому же принципу построены и аннотации к отдельным статьям, причем

даже аннотации к нормам, сформулированным кратко, могут занимать несколько страниц.

– «Краткие» комментарии (Kurzkommentare). Пример: «Паландт» (Palandt).

Своим возникновением, а также быстрым и успешным распространением с середины 20-х годов 20 века краткие комментарии обязаны издательству Отто Либмана, издателю еврейского происхождения, который в связи с преследованиями в середине 30-х годов был вынужден «передать» свое дело издательству немца Генриха Бека, запатентовавшего вскоре и само название «Kurzkommentar». Наиболее удачным из кратких комментариев является «Паландт» [Slapnikar 2000: 1693], получивший широкое признание благодаря особой последовательности в работе коллектива авторов и основательности при актуализации новых изданий [Medicus 1991: 888]. Название «краткий» не означает, что комментарии такого типа невелики по своему объему – «Паландт», к примеру, содержит более 2500 страниц, и аннотации к отдельным статьям также охватывают несколько страниц. Для кратких комментариев характерно в первую очередь предельно сжатое представление информации и обилие сокращений, следующих определенным характерным для этих комментариев принципам. При этом особое значение придается обзорам судопроизводства. Как и «большие» комментарии, они также имеют строгую структуру в рассмотрении отдельных глав и статей.

– «Практические» комментарии (Handkommentare). Пример: «Номос» (Nomos).

Этот комментарий – универсальный справочник для каждодневного пользования. И хотя для уточнения многих вопросов юристы пользуются «Паландтом», для большинства случаев практического комментария «Номос» достаточно. В комментарии последовательно представлена систематика правовых норм на основе актуального судопроизводства и юридической литературы. Каждая статья комментируется по одинаковой схеме: функция нормы и ее место в правовой системе, изложение отдельных обстоятельств дела

и их юридических последствий, а также – в зависимости от функции правовой нормы – более подробные данные по процессуальным вопросам [NomosKommentar 2014: 5]. По отдельным разделам даны кратко сформулированные тематические обзоры. Использование сокращений для «Номоса» не так характерно, как для «Паландта». Например, почти одинаковые предложения в «Номосе» и «Паландте» выглядят следующим образом:

Die Willenserklärung einer zum Zeitpunkt der Abgabe geschäftsunfähigen Person (§ 105) ist nichtig (Abs. 1) (...). [Номос 2014: 89]

Eig WillensErkl des GeschUnfah sind nichtig (§ 105 I). [Паландт 2015: 85]

– «Учебные» комментарии (Studienkommentare). Пример: «Кропхоллер» (Kropholler).

Типичные пользователи учебных комментариев – студенты юридических факультетов. Такие комментарии в сжатой форме передают содержание закона или его частей, а также поясняют основные принципы Гражданского уложения и его систематики. Сами аннотации кратки и ограничиваются лишь самой необходимой для студентов информацией. Если рассмотрение какого-либо вопроса занимает в «Штаудингере» несколько страниц, то в «Кропхоллере» ему будет посвящено несколько предложений. Другая особенность «учебных» комментариев состоит в том, что они, по сравнению с комментариями других типов, в большей степени обращают внимание на мнения составителей других комментариев и цитируют не только судебные решения, но и другие комментарии [Busse 1992: 172].

4. Роль немецких комментариев в правовой системе.

Как было сказано выше, роль комментариев в немецкой юридической системе чрезвычайно велика. Рассмотрим их функцию ближе, опираясь на тезисы Томаса Хенне [Henne 2006: 353-354]. При этом в некоторых случаях проведем параллели с российскими комментариями.

1. Комментарии укрепляют принцип верховенства закона в континентальном праве и неукоснительно опираются на систему закона.

Закон рассматривается в континентальном праве как догма. Однако необходимо отметить, что такое понимание закона распространяется как в немецком, так и в российском праве только на сам *текст* закона, а само толкование закона не является догматической категорией [Gast 1997: 54]. Каким же образом комментарии укрепляют верховенство закона? Чтобы яснее это продемонстрировать, можно, по мнению Томаса Хенне, сравнить континентальное право с англо-саксонской правовой системой, в которой не существует сравнимой с континентальным правом традиции составления комментариев, так как там приоритет в решении юридических вопросов принадлежит не статутному праву, а прецедентному праву. Другими словами, законы не являются в англо-саксонской системе важнейшей отправной точкой для судопроизводства, поэтому они не являются и предметом систематизированного письменного специального дискурса в виде комментариев.

Итак, существование комментария как типа текста базируется на верховенстве закона [Henne 2006: 353]. Эта связь проявляется в немецком праве, в частности, в том, что пояснения к судебным решениям содержат цитаты из комментариев, причем это официальная и неоспоримая практика [Busse 1992: 58]. Цитируя комментарий, автор судебного решения одновременно цитирует и закон. Что касается российских комментариев, то здесь такой практики не прослеживается: судебные решения ссылаются не только непосредственно на законы, но и на другие официальные документы, например, распоряжения, указы, обзоры судебной практики или отдельные судебные решения.

Другая особенность связи комментария и закона в немецкой юридической практике – это особая роль составителя комментария. Цель комментария состоит прежде всего не в том, чтобы представить мнение его составителя, а в том, чтобы раскрыть актуальное положение вещей по определенному правовому вопросу. Поэтому в комментариях на первый план выходит коллективное авторство – так же, как и в самих законах [Henne 2006: 353].

Конечно, составители комментариев не анонимны, однако их имена остаются в тени названий комментариев. Только сами комментарии, а не его авторы, являются своего рода маркой, вокруг которой формируется представление о типе комментария и его традициях. Кроме того, человек, имя которого носит комментарий, иногда даже не принадлежит к числу авторов. Ярким примером тому может служить вышеназванный и один из наиболее известных в Германии комментариев «Паландт»: Отто Паландт, именем которого назван комментарий, не принимал участия в его составлении [Medicus 1991: 889, Slapnikar 2000: 1692].

Российским комментариям такое качество не свойственно. Они чаще представляют мнение автора или группы авторов. Особенно это относится к комментариям к новым законам или поправкам к законам. В этом смысле российские комментарии можно скорее сравнить с немецкой традицией так называемых «альтернативных» комментариев, которые не принадлежат к числу стандартных комментариев.

Следует отметить, что функциональная нагрузка комментариев в немецком и российском праве различна. По сравнению с немецкими комментариями, этот тип текстов в России исторически развивался иначе. Прежде всего это связано с функциональной нагрузкой законов – текстов, на которых основаны комментарии. Российские законы частично берут на себя ту функцию, которая в немецком праве принадлежит комментариям и юриспруденции. Они в большей степени сформулированы таким образом, чтобы быть понятными широкому кругу читателей [Schöttle 2013: 53]. В связи с этим они содержат большое количество пояснений таких абстрактных понятий, которые в немецком праве приводятся только в комментариях и учебной литературе. Таким образом, законы в России ограничивают роль комментариев в российской юридической практике. Подробные дефиниции, которые приводятся в начале многих российских законов (подобным образом это происходит в законах США), также предназначены скорее для широкого круга читателей, нежели только для специалистов [Nußberger 2004: 3]. Другим типом

текстов, которые в российском праве в свою очередь отчасти принимают на себя функцию, свойственную немецким комментариям, являются обзоры судебной практики. Они составляются судами высших инстанций и являются промежуточной ступенью между судебным решением и комментарием. Последние чаще цитируют судебные решения не напрямую, а обращаются к обзорам судебной практики.

2. Основная функция комментариев состоит в том, чтобы по возможности точно охарактеризовать актуальную ситуацию по определенному правовому вопросу.

Немецкие комментарии регулярно обновляются, хотя скорость этого обновления зависит от типа комментария. Так, полностью переработанные издания «больших» комментариев издаются довольно редко – иногда спустя годы и десятилетия. А многие «краткие» комментарии обновляются каждый год. Существуют и такие комментарии, которые собраны в большие тома из отдельных страниц, что позволяет актуализировать издание даже несколько раз в год. Частое обновление характерно и для некоторых дигитальных изданий, получивших распространение в последние годы. Для юридической практики важно только последнее издание комментария, поэтому толкования, относящиеся к нормам, утратившим свое действие, быстро теряют свое значение – это характерно и для российской судебной практики.

3. Комментарии – это средство ведения юридического дискурса, но не его объект. Они являются своего рода «конечной станцией» специального дискурса.

Как немецкие, так и российские комментарии, в отличие от других юридических текстов специального дискурса, например, учебных пособий, обычно не являются объектом дальнейшего обсуждения. Иногда они содержат ссылки на другие комментарии – если мнения составителей комментариев различаются.

4. Комментарии рассматривают то, что важно для применения закона, и обычно представляют материал в предельно сжатой форме.

Как уже было упомянуто выше, высокая концентрация в представлении материала – характерная черта немецких комментариев, проявляющаяся в большом количестве сокращений. Для российских комментариев это не типично.

5. Комментарии – связующее звено между юридической практикой и юриспруденцией. Зачастую они имеют значительно больший вес, чем учебная и справочная юридическая литература.

В каждом типе комментариев вопросы юридической практики, с одной стороны, и юридической науки, с другой, имеют различное значение. Однако основная тенденция состоит в том, что комментарии создаются в первую очередь для потребностей судопроизводства и лишь в меньшей степени непосредственно используются как учебно-справочная литература.

6. Немецкие комментарии – это инстанция, которая может квалифицировать мнение по определенному юридическому вопросу как «господствующее» (*herrschende Meinung*). Таким образом, комментарии могут в значительной степени влиять на развитие права.

Подробный критический разбор определенных тем, который проводится в немецких комментариях, приводит к формированию господствующего мнения, которого придерживается большинство специалистов. Это мнение излагается в комментариях и, как правило, учитывается в судопроизводстве. Определение господствующего мнения происходит согласно количественным и качественным критериям [Gast 1997: 252]. Если в традиционном стандартном комментарии мнение характеризуется как господствующее, то оно, как правило, и в дальнейшем признается таковым, и судьи следуют ему почти как норме закона [Wesel 1979: 91]. Таким образом, немецкие комментарии могут влиять на развитие всей правовой системы. Более того, по мнению Т. Хенне, составители комментариев создают своего рода интерпретационный «метатекст» вокруг текста закона, и на практике применяется уже текст комментария, а не закона, а последний становится своего рода «субтекстом» [Henne 2006: 352].

Феномен господствующего мнения демонстрирует особенно ясно, насколько различно значение комментария как типа текста в немецком и российском праве. Для российских комментариев свойственно представлять не мнение большинства специалистов вообще, а скорее позицию автора, коллектива авторов или научной школы. На господствующее мнение они влияют не больше, чем другие информативные юридические тексты.

Итак, комментарии к законам – не только источник информации для судопроизводства. Они являются свидетельством юридических традиций, находящих свое отражение и в специальном дискурсе. В статье были представлены особенности немецких комментариев и проведены некоторые параллели с российскими комментариями.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста. М., 2007.
Baranov A. N. Linguistic text expertise [Lingvističeskaja ékspertiza teksta]. Moskva, 2007.
2. *App M.* Die praktische Arbeit mit den Erläuterungswerken zum Steuerverfahrensrecht. BWNotZ, 1994. P. 158–163.
3. *Busse D.* Recht als Text. Linguistische Untersuchungen zur Arbeit mit Sprache in einer gesellschaftlichen Institution. Tübingen, 1992.
4. *Gast W.* Juristische Rhetorik. Auslegung, Begründung, Subsumtion. Heidelberg, 2006.
5. *Henne Th.* Die Prägung des Juristen durch die Kommentarliteratur – Zu Form und Methode einer juristischen Diskursmethode. Betrifft Justiz, 87/2006. P. 352–356.
6. *Medicus D.* Palandt – die 50. Auflage. NJW 1991. P. 887–889.
7. *Nußberger A.* Zur Entwicklung der Rechtskultur in Russland. Neumann, Matthias (ed.) Russlandanalysen. № 32. Bremen 2004.
8. *Schöttle V.* Das Allgemeine Teil des Rechts des geistigen Eigentums im Zivilgesetzbuch der Russischen Föderation. Tübingen, 2013.
9. *Slapnicar K. W.* Der Wilke, der später Palandt hieß. 60. und 50. Jubiläum des Beck'schen Kurz-Kommentars zum BGB zugleich im Jahre 1999. NJW 2000. P. 1692–1699.
10. *Wesel U.* hM. Enzensberger, Hans Magnus (eds.). Kursbuch 56 – Unser Rechtsstaat. Berlin, 1979. P. 88–109.

**Немецкие комментарии к Гражданскому уложению Германии
(German commentaries for the German Civil Code (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB)):**

- *Кропхоллер (Kropholler)*: Kropholler J., Jacoby F., Hinden von M. (eds.). Bürgerliches Gesetzbuch. Studienkommentar. München, 2013.
- *Номос (NomosKommentar)*: Schulze R., Dörner H. et al. Bürgerliches Gesetzbuch: BGB. Handkommentar (NomosKommentar). Baden-Baden, 2014.
- *Паландт (Palandt)*: Bassenge P., Brudermüller G. et al. Palandt. Bürgerliches Gesetzbuch: BGB (Beck'sche Kurz-Kommentare, Band 7). München, 2015.
- *Штаудингер (Staudinger)*: Dilcher H. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Erstes Buch, Allgemeiner Teil, §§ 90–240. Berlin, 1980.
- *Juris PraxisKommentar BGB*: Herberger M., Martinek M., Rüßmann H., Weth S. (eds.). juris PraxisKommentar BGB. Saarbrücken, 2014.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

УДК 340.111.57, ББК 67.0, ГРНТИ 10.07.61, КОД ВАК 12.00.01

А. А. Васильев, О. Е. Зацепина

Барнаул, Россия

ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ТЕКСТА НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО АКТА

В статье рассматриваются презумпции и фикции в аспекте их технико-юридического значения и особенности их закрепления в тексте нормативно-правового акта. На конкретных примерах показано, что они могут быть закреплены как прямым способом, так и косвенным, позволяющим выявить их только путем толкования текста. При этом отмечается, что косвенные презумпции необходимо трансформировать в прямые для их лучшего применения, а косвенные фикции не нуждаются в этом, так как трудностей в их выявлении не возникает, и такой способ закрепления является для них целесообразным. Фикции обязательно нужно отграничивать от негативных фиктивных явлений, так как они, как и презумпции, участвуют в образовании юридических терминов и благодаря своим уникальным свойствам оптимизируют не только правовое регулирование, но и правотворческую работу законодателя, способствуя лингвистической экономии, делая текст нормативно-правового акта емким, лаконичным и недвусмысленным, то есть способствуют соблюдению правил юридической техники, предъявляемых к нему. Презумпция в значении предположения, имеющего определенную степень вероятности, обусловленную логически и исторически, используется не только в праве, но и в других науках, а также в повседневной жизни, как и фикция в значении средства, с помощью которого заведомо ложное признается истинным с целью преодоления ситуации неопределенности и нормального развития общественных отношений. Таким образом, презумпции и фикции являются необходимыми элементами текста нормативно-правового акта, позволяющими донести его смысл до адресатов.

Ключевые слова: юридическая техника, презумпция, фикция, рационализация правотворчества, лингвистическая экономия.

Сведения об авторе: Антон Александрович Васильев, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, доцент. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68, каб. 315. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Сведения об авторе: Олеся Евгеньевна Зацепина, соискатель кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, доцент. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68, к. 315. E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

A. A. Vasiliev, O. E. Zatsepina

Barnaul, Russia

PRESUMPTIONS AND FICTIONS AS THE ELEMENTS OF THE TEXT OF THE NORMATIVE-LEGAL ACT

The article deals with the presumptions and fictions in relation to their technical and legal significance and the peculiarities of their capturing in the text of a statutory act. The case studies discussed in the article show that they can be captured both directly and indirectly in which case they can be identified only by interpreting text. At the same time it is noted that indirect presumptions must be transformed into direct ones for their better enforcement, and indirect fictions do not need this since no difficulties in their identification arise and this way of capturing is expedient for them. Fictions must necessarily be separated from negative fictitious phenomena since they as well as presumptions participate in the development of legal terms and due to their unique nature optimize not only legal regulation but also law-making work of a legislator thus contributing to linguistic economy, making the text of the statutory act concise, laconic and unambiguous all of which contributes to the compliance with the rules of legal technique imposed on it. Presumption in the meaning of an assumption with high degree of logical and historical probability is used not only in law but also in other sciences and everyday life where it functions as fiction by means of which the knowingly false is recognized as true in order to overcome the situation uncertainty and in order to propote normal development of social relations. Thus, presumptions and fictions are necessary elements of the text of a statutory act allowing to inform its sense to the addressees.

Key words: legal technique, presumption, fiction, efficiency of law-making, linguistic economy.

About the author: Anton Alexandrovich Vasiliev, Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Altai State University, Associate Professor. 656049, Barnaul, Prospect Sotsialistitcheskiy, 68, office 315. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru.

About the author: Olesya Evgenievna Zatsepina, post-graduate of the Department of Theory and History of State and Law of Altai State University. 656049, Barnaul, Prospect Sotsialisticheskiy, 68, office. 315. E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru.

Юридическая техника представляет собой систему средств, приемов и правил, которые используются при создании, оформлении и упорядочении нормативно-правовых актов с целью обеспечения эффективности их регулятивного воздействия. Ее основным объектом является текст нормативно-правовых актов, поэтому юридическая техника призвана структурировать его, сделать понятным, ясным, лаконичным и недвусмысленным [Юридическая техника и ее значение для правотворчества 2015].

В настоящей статье мы рассмотрим такие средства юридической техники, как презумпции и фикции, особенности их закрепления в тексте нормативно-правовых актов и значение такого закрепления.

Начнем с правовой презумпции. Согласно одному из самых известных определений данного понятия, сформулированному В. К. Бабаевым, «правовая презумпция – это закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом» [Бабаев 1991: 91].

Это определение раскрывает происхождение правовых презумпций, но в нем не указан один из главных ее признаков – опровержимость, а также отсутствует указание на цель ее применения.

Поэтому, по нашему мнению, правовая презумпция – это средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах закрепляется вероятное предположение, которое считается истинным, пока не доказаны факты, его опровергающие, и применяемое в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства).

В тексте нормативно-правового акта правовая презумпция может быть закреплена двумя способами: прямым и косвенным.

Прямой способ означает непосредственное закрепление, не требующее толкования. Оно осуществляется тремя способами: с помощью выражений

«...пока не доказано иное», «...если не докажет», «...предполагается» и других; посредством использования термина «презумпция» в правовой норме; с помощью термина «презумпция» в наименовании статьи, содержащей правовое предположение [Каминская 1948: 79–80].

Например, согласно ч. 1 ст. 152 ГК РФ, устанавливающей *презумпцию доброго имени гражданина*, данная презумпция действует, если распространивший порочащие сведения не докажет, что они соответствуют действительности»; ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» закрепляет *«презумпцию добросовестности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей»*. Иногда законодатель совмещает эти варианты. Так, ст. 315 Кодекса торгового мореплавания РФ, имеющая название «Презумпция невиновности судов», гласит, что «ни одно из участвовавших в столкновении судов не предполагается виновным, если не доказано иное», а ч. 2 и ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ, имеющей название «Презумпция невиновности», содержат выражения «пока вина не будет доказана» и «не обязано доказывать свою невиновность».

Косвенные презумпции могут быть выведены только путем толкования текста нормативного акта (например, *презумпция невиновности ответчика* (ст. 6, ст. 12 ГПК РФ), *презумпция беспристрастности судьи и некоторых других лиц, участвующих в судопроизводстве* (ст. 120 Конституции РФ, ч. 3 ст. 16 ГПК РФ и ч. 2 ст. 18 ГПК РФ) и *презумпция неразумения содеянного лицом, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность* (ч. 1 ст. 20 УК РФ)).

Учитывая данную особенность косвенных презумпций, многие ученые не признают их юридическое значение, полагая, что они являются фактическими, а не правовыми и представляют собой мотив, которым руководствуется законодатель при закреплении соответствующей правовой нормы, и утверждают, что единственно возможный способ закрепления правовой

презумпции – прямой (Н. Н. Цуканов, 2001; М. Л. Давыдова, 2009; М. Н. Бронникова, 2006; Л. А. Грось, 1999; и другие).

Е. Ю. Веденеев справедливо полагает, что для лучшего применения предположения необходимо закреплять в законах так, чтобы не требовалось их толкование, так как выявление, толкование и применение на практике косвенных презумпций вызывает определенные трудности и, как следствие, приводит к дискуссиям по данному вопросу [Веденеев 1998: 46].

Но отрицать существование и юридическую значимость рассматриваемого вида правовых презумпций бессмысленно, так как каждая из них играет активную роль в правовом регулировании, вызывая соответствующие правовые последствия.

Кроме того, многие косвенные презумпции сформулировал Конституционный Суд РФ (такowymi являются: *презумпция соответствия деятельности законно избранных представительных органов субъектов Российской Федерации Конституции и законодательству Российской Федерации, презумпция конституционности положений федерального законодательства, презумпция добросовестности и разумности действий конституционных органов, презумпция добросовестности налогоплательщика, презумпция добросовестности законодателя и его приверженности общим правовым принципам, презумпция знания закона* [Сериков 2008: 19]), что определяет их особый статус и не оставляет сомнений в их юридической значимости.

Поэтому, по нашему мнению, необходимо трансформировать косвенные презумпции в прямые и в дальнейшем использовать прямой способ закрепления презумпций, так как это соответствует требованию юридической техники о лаконичности, ясности, четкости и недвусмысленности текста нормативно-правовых актов, в которых они закреплены. Это будет способствовать эффективному выявлению и применению правовых презумпций на практике, что приведет как к оптимизации правового регулирования и

процессуальной экономии, так и к рационализации правотворческой работы законодателя и лингвистической экономии.

В целом правовые презумпции имеют очень важное технико-юридическое значение, участвуют в образовании многих юридических терминов (*презумпция отцовства, презумпция авторства, презумпция добросовестности, презумпция вины, презумпция невиновности* и т. д.) и способствуют рационализации юридической терминологии.

Однако Г. Ч. Синченко приводит употребление презумпций в праве в качестве одного из примеров гипертерминологизации, аргументируя это тем, что «согласно толковому словарю термин «презумпция» трактуется двояко: в философии – это предположение, основанное на вероятных предпосылках; в юриспруденции – предположение, которое считается истинным, пока его правильность не опровергнута, а поскольку термин стремится к однозначности внутри своего терминологического поля, постольку единственного термина «презумпция» нет – есть одно иностранное слово, прижившееся в книжной речи» [Синченко 2017: 58].

Данная позиция вызывает возражения, поскольку приведенные определения совсем не противоречат друг другу, юридическое определение накладывается на философское (более наглядно это демонстрирует определение В. К. Бабаева, указанное нами выше). Именно в таком значении (предположения, имеющего определенную степень вероятности, обусловленную логически и исторически) презумпция употребляется во многих науках (психологии [Первомайский 2001: 107], биологии [Павлинов 2005: 436]) и в повседневной жизни человека.

Некоторые презумпции, выработанные определенной наукой или сформированные на основе житейского опыта и здравого смысла (например, *презумпция наличия у каждого типа личности соответствующих психологических установок* или *презумпция о плохой видимости при определенных погодных условиях*) используются законодателем и правоприменителем в качестве внутреннего обоснования принятия решения

или мотива закрепления правовой нормы, хотя и не имеют юридического значения (такие презумпции называются фактическими презумпциями [Федотов 2001: 48]).

В таком же значении употребляется презумпция и в праве (в этом проявляется ее логико-философский аспект), так как правовые презумпции, обладающие высокой степенью вероятности (а таких презумпций большинство), образуются именно таким способом.

Конечно, существуют и маловероятные правовые презумпции (например, *презумпция невиновности*), но они являются исключением из правила, кроме того, тоже основаны на предшествующем опыте, только закрепляют положение, полностью противоречащее результату такого обобщения в целях защиты интересов обвиняемого (как показывает практика, большинство из них виновны).

С позиции юридического, а не логико-философского подхода (ярким представителем которого является В. К. Бабаев) правовая презумпция определяется как доказательственный прием, посредством которого при наличии определенных условий делается вывод о наличии либо отсутствии каких-то фактов, не подлежащих доказыванию [Воложанин 1953: 5].

Но, так как такой доказательственный прием также имеет логико-философскую природу образования, это определение не противоречит рассмотренным выше, а тоже накладывается на них. Поэтому, по нашему мнению, не нужно противопоставлять логико-философский и юридический подходы к сущности правовой презумпции, так как они представляют собой два равноправных ее аспекта, характеризующие ее различные свойства.

Таким образом, представляется, что существует общий термин «презумпция», который используется во всех науках (включая право) и в повседневной жизни, и его закрепление в тексте нормативно-правового акта, в том числе участие в образовании иных юридических терминов, имеет огромное положительное значение и не является гипертерминологизацией.

Перейдем к рассмотрению правовой фикции.

По мнению В. К. Бабаева, «правовая фикция – это применяемый в праве технико-юридический прием, посредством которого несуществующее положение (отношение) объявляется существующим и приобретает обязательный характер в силу закрепления его в правовой норме» [Бабаев 1974: 28].

Предлагаем следующее авторское определение, наиболее полно ее характеризующее: правовая фикция – это средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах закрепляется заведомо ложное неопровержимое положение, определенным образом деформирующее действительность в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства). По нашему мнению, «средство юридической техники» более широкое понятие, чем «технико-юридический прием» (которое характеризует способ изложения законодательной воли в тексте нормативно-правового акта), оно обозначает именно инструмент регулирования общественных отношений [Филимонова 2013: 52]; заведомая ложность является главным признаком правовой фикции, подчеркивающим ее уникальность и позволяющим отграничить ее от иных средств юридической техники; признание несуществующего положения существующим является только одним из видов деформаций реальности, производимых правовыми фикциями (сам В. К. Бабаев выделял также признание несуществующим существующего положения, приравнивание различных и даже противоположных понятий, признание возникновения обстоятельств раньше либо позже того, чем это было на самом деле [Бабаев 2013: 345]); целевая составляющая правовой фикции обязательно должна быть указана в определении ее понятия, кроме того, это обозначает ее положительное значение.

Правовая фикция, как и правовая презумпция, может быть закреплена в тексте нормативно-правового акта либо прямым, либо косвенным способом [Ковтун 2010: 231].

Прямая фикция закрепляется, как правило, с помощью слов «считается», «не считается», «не учитываются» и др. Например, *«когда своевременно*

направленное извещение об акцепте получено с опозданием, акцепт не считается опоздавшим, если сторона, направившая оферту, немедленно не уведомит другую сторону о получении акцепта с опозданием. Если сторона, направившая оферту, немедленно сообщит другой стороне о принятии ее акцепта, полученного с опозданием, договор считается заключенным» согласно ст. 442 ГК РФ, а согласно ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива не учитываются определенные судимости, установленные УК РФ.

Косвенные фикции выводятся из текста нормативно-правового акта путем его толкования. Например, согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ *«в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления»*, то есть оконченные действия организатора, подстрекателя и пособника приравниваются к неоконченным действиям [Ситникова 2008: 65].

Следует отметить, что существование косвенных фикций, в отличие от косвенных презумпций, не вызывает дискуссий в литературе, а их выявление и применение не влечет трудностей на практике, поэтому нет необходимости (к тому же, это не всегда возможно или целесообразно) трансформировать косвенные фикции в прямые и использовать только прямой способ закрепления, как в случае с правовыми презумпциями.

Правовые фикции с помощью производимых деформаций действительности не только оптимизируют правовое регулирование, но и делают текст нормативно-правовых актов более емким, четким, лаконичным, понятным и недвусмысленным, участвуют в образовании юридических терминов (*юридическое лицо, бездокументарная ценная бумага, «бестелесная» вещь* и др.), то есть выполняют функцию законодательной и лингвистической экономии, особенно посредством приравнивания и

искусственного уподобления различных и даже противоположных понятий (распространением правового режима одного объекта на другой [Джазоян 2006: 8]), так как это избавляет от необходимости создания отдельных режимов для каких-то объектов и препятствует излишнему увеличению количества нормативно-правовых норм и законодательных актов (например, *отнесение к недвижимым вещам подлежащих государственной регистрации воздушных и морских судов, а также судов внутреннего плавания и иного имущества, указанного в законе* – это ч. 1 ст. 130 ГК РФ).

В повседневной жизни к понятию «фикция» сложилось негативное отношение ввиду отождествления с фиктивными явлениями, имеющими отрицательное значение (фиктивными состояниями, фиктивными действиями и фиктивными нормами). Фиктивные состояния (например, *фиктивный брак, фиктивный развод, фиктивное усыновление*) и фиктивные действия, направленные на обретение фиктивных состояний (например, *предъявление фиктивных документов, использование фиктивных денег*) имеют своей целью обход закона для удовлетворения своих интересов, противоречащих интересам общества и государства. А фиктивные нормы – это нормы, не реализующиеся на практике ввиду неправильного отражения в них действительности либо отсутствия правовых механизмов их реализации в законодательстве [Панько 1999: 1]. По нашему мнению, фикцию как средство нужно обязательно отграничивать от фиктивных явлений с целью ее лучшего понимания и исследования и раскрытия положительных свойств.

Фикция как средство рационализации определенных правил с целью преодоления ситуации неопределенности и нормального развития общественных отношений используется не только в праве, но и других науках (например, *доказательство от противного* в математике, когда для доказывания теоремы заведомо ложное признают истинным) или в повседневной жизни (например, фикции используются при установлении правил для настольных игр при подсчете баллов, заработанных игроками).

Фикции также используются при установлении правил оплаты публикации статей (например, в некоторых журналах стоимость рассчитывается за страницу, при этом менее половины страницы вообще не учитывается, а более ее половины – считается за полную страницу).

Таким образом, презумпции и фикции являются необходимыми элементами текста нормативно-правового акта, позволяющими донести его смысл до адресатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаев В. К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974.
2. *Бабаев В. К.* Теория государства и права. М., 2013.
3. *Бабаев В. К.* Теория современного советского права: фрагменты лекций и схемы. Н. Новгород, 1991.
4. *Бронникова М. Н.* Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.
5. *Веденеев Е. Ю.* Роль презумпций в гражданском праве, арбитражном и гражданском судопроизводстве. Государство и право. 1998. № 2. С. 43–49.
6. *Воложанин В. П.* Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1953.
7. *Грось Л. А.* Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право (научно-практические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
8. *Давыдова М. Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград, 2009.
9. *Джазоян Е. А.* Категория фикции в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
10. *Каминская В. И.* Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948.
11. *Ковтун Н. Н.* Презумпции и фикции уголовно-процессуального права России: технология осознанной лжи. Юридическая техника. 2010. № 4. С. 231–235.
12. *Павлинов И. Я.* О значении презумпций в филогенетике (по поводу статьи Ю.А. Песенко «Филогенетические презумпции...»). Журнал общей биологии. 2005. № 5. Т. 66. С. 436–441.
13. *Панько К. К.* Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменении): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1998.

14. *Первомайский В. Б.* Презумпции в психиатрии. Киев, 2001.
15. *Сериков Ю. А.* Презумпции в гражданском судопроизводстве. М., 2008.
16. *Синченко Г. Ч.* Язык права. Часть II. Терминологический ажиотаж. Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 1 (64). С. 57–64.
17. *Ситникова А. И.* Фикции в уголовном праве. Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 60–67.
18. *Федотов А. В.* Понятие и классификация доказательственных презумпций. Журнал российского права. 2001. № 4. С. 45–55.
19. *Филимонова И. В.* Место юридической фикции в системе средств юридической техники. Алтайский юридический вестник. 2013. № 4 (4). С. 47–53.
20. *Цуканов Н. Н.* О критериях правовой презумпции. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: В 2-х тт. Н. Новгород, 2001. Т. 1.
21. Юридическая техника и ее значение для правотворчества, 2015. URL: <http://www.lektsii.net/2-79404.html>

REFERENCES

1. Babaev V. K. Presumptions in Soviet Law [Prezumpstii v sovetskom prave]. Gorky, 1974.
2. Babaev V. K. Theory of State and Law [Teoriya gosudarstva i prava]. Moscow, 2013.
3. Babaev V. K. The Theory of Modern Soviet Law: Passages from Lectures and Schemes [Teoriya sovremennogo sovetskogo prava: fragmenty lektsiy i skhemy]. N. Novgorod, 1991.
4. Bronnikova M. N. Civil-law Presumption under the Russian Legislation: Content, Legal Forms and Application [Grazhdansko-pravovaya prezumpstsiya po rossiyskomu zakonodatel'stvu: sodержaniye, pravovyye formy i primeneniye: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk], Kazan, 2006.
5. Vedeneev E. Yu. The Role of Presumptions in Civil Law, Arbitration and Civil Proceedings [Rol' prezumpstsiy v grazhdanskom prave, arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve]. State and Law. 1998. № 2. P. 43–49.
6. Volozhanin V. P. Legal Assumptions in Soviet Civil Law and Litigation [Yuridicheskiye predpolozheniya v sovetskom grazhdanskom prave i protsesse: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Sverdlovsk, 1953.
7. Gros L. A. Influence of Norms of Substantive Law on Civil Procedural Law (Scientific and Practical problems) [Vliyaniye norm material'nogo prava na grazhdanskoye protsessual'noye pravo (nauchno-prakticheskiye problemy): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk.]. Moscow, 1999.

8. Davydova M. L. Legal Technique: Problems of Theory and Methodology [Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii: monografiya]. Volgograd, 2009.
9. Jazoyan E. A. Category of Fiction in Civil Law [Kategoriya fiktsii v grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Moscow, 2006.
10. Kaminskaya V. I. The Studies of Legal Presumptions in the Criminal Process [Ucheniye o pravovykh prezumptsiyakh v ugovnom protsesse]. Moscow, 1948.
11. Kovtun N. N. Presumptions and Fictions of the Criminal Procedural Law of Russia: the Technology of the Conscious Lie [Prezumpitsii i fiktsii ugovno-protsessual'nogo prava Rossii: tekhnologiya osoznannoy lzhi]. Law technique. 2010. № 4. P. 231–235.
12. Pavlinov I. Ya. The Significance of Presumptions in Phylogenetics (in regard to the article by Pesenko Yu. A. «Phylogenetic presumptions ...») [O znachenii prezumpitsiy v filogenetike (po povodu stat'i Yu. A. Pesenko «Filogeneticheskiye prezumpitsii...»). Journal of General Biology. 2005. № 5. T. 66. P. 436–441.
13. Panko K. K. Fictions in Criminal Law (in the Field of Law-making and Law enforcement) [Fiktsii v ugovnom prave (v sfere zakonotvorchestva i pravoprimenenii): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Yaroslavl, 1998.
14. Pervomaysky V. B. Presumptions in Psychiatry [Prezumpitsii v psikhologii]. Kyiv, 2001.
15. Serikov Yu. A. Presumptions in Civil Legal Proceedings [Prezumpitsii v grazhdanskom sudoproizvodstve]. Moscow, 2008.
16. Sinchenko G. Ch. Language of Law. Part II. Terminological excitement [Yazyk prava. Chast' II. Terminologicheskiy azhiotazh]. The scientific vestnik of Omsk academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1 (64). P. 57–64.
17. Sitnikova A. I. Fictions in the Criminal Law [Fiktsii v ugovnom prave] Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. – Leningrad legal journal. 2008. № 1. P. 60–67.
18. Fedotov A. V. The Notion and Classification of Evidentiary Presumptions [Ponyatiye i klassifikatsiya dokazatel'stvennykh prezumpitsiy]. Journal of Russian Law. 2001. № 4. P. 45–55.
19. Filimonova I. V. The Place of Legal Fiction in the System of Means of Legal Technique [Mesto yuridicheskoy fiktsii v sisteme sredstv yuridicheskoy tekhniki]. Altai legal vestnik. 2013. № 4 (4). P. 47–53.
20. Tsukanov N. N. On the Criteria of Legal Presumption [O kriteriyakh pravovoy prezumpitsii]. Lawmaking technique of modern Russia: state, problems, improvement: a collection of articles: In 2 tomes. N. Novgorod, 2001. T. 1.
21. Legal Technique and Its Significance for Law-making [Yuridicheskaya tekhnika i yeye znacheniyeye dlya pravotvorchestva], 2015. URL: <http://www.lektsii.net/2-79404.html>

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

УДК 347.9, ББК 67.310, ГСНТИ 10.31.01, КОД ВАК 12.00.15

М. А. Боловнев, Е. Е. Руф

Барнаул, Россия

ПОНЯТИЕ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются вопросы толкования понятия «справедливость» как категории современного гражданского процесса с точки зрения философии, истории, лингвистики и юриспруденции. Анализируется толкование категории «справедливость» в постановлениях Европейского Суда по правам человека, а также проблемы применения данной субъективной категории национальными судами Российской Федерации. На основе анализа и обобщения правоприменительной практики выделяются блоки теоретических и практических проблем применения категории «справедливость», возникающие при разрешении конкретных дел в российских судах. Предлагаются пути их решения, а также формулируются рекомендации по совершенствованию действующего законодательства и судебной практики.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, правосудие, правоприменение, справедливость, законность, Европейский Суд по правам человека.

Сведения об авторе: Михаил Алексеевич Боловнев, старший преподаватель кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61. E-mail: slovak92@mail.ru

Сведения об авторе: Елизавета Евгеньевна Руф, студентка 4 курса юридического факультета Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61. E-mail: ruf.liza@mail.ru

M. A. Bolovnev, E. E. Ruf

Barnaul, Russia

THE CONCEPT OF «JUSTICE» IN CIVIL PROCEEDINGS: LEGAL LINGUISTIC ANALYSIS

The article deals with the interpretation of the concept of «justice» as a category of modern civil process from the point of view of philosophy, history, linguistics and law. The interpretation of

the category of «fairness» in the judgments of the European Court of Human Rights, as well as the problem of the application of this subjective category by the national courts of the Russian Federation is analyzed. On the basis of the analysis and generalization of law enforcement practice, there have been singled out blocks of theoretical and practical problems of the application of the category «justice» that arise in the legal proceedings in Russian courts. The article suggests ways to address them, as well as provides directions for improving current legislation and judicial practice.

Key words: civil legal proceedings, justice, law enforcement, justice, legality, the European Court of Human Rights.

About the author: Mikhail Alekseevich Bolovnev, Senior Lecturer of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure, Altai State University. 656049, Barnaul, Lenin Avenue, 61. E-mail: slovak92@mail.ru

About the author: Elizaveta Evguenievna Ruf, 4th year student of the Law Department of Altai State University. 656049, Barnaul, Lenin Avenue, 61. E-mail: ruf.liza@mail.ru

Существует несколько направлений взаимодействия отечественного законодательства и Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Одно из них – унификация российского процессуального законодательства под воздействием постановлений ЕСПЧ. Она осложняется разноречивыми подходами в понимании тех или иных правовых понятий и категорий.

Одним из самых дискуссионных является понятие «справедливое судебное разбирательство», закрепленное в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). На это указывает статистика обращений российских граждан в ЕСПЧ, в которых они жалуются на нарушение указанной статьи. Само понятие «справедливое судебное разбирательство» в отечественном процессуальном законодательстве не закреплено. Следует обратить внимание на то, что Россия находится в первой пятерке стран по количеству жалоб в ЕСПЧ. Российские граждане в своих жалобах указывают на то, что отечественные суды рассматривают дела несправедливо. С чем это связано? Возможно, суды и граждане трактуют понятие «справедливость» по-разному. Тогда возникает другой вопрос: каково

содержание понятия «справедливость» и требуется ли его легальное закрепление в российском процессуальном законодательстве?

Следует отметить, что понятие «справедливость» оценочное и дискуссионное ввиду своего субъективного содержания. В связи с этим применять данную категорию и оперировать указанным термином в юриспруденции, где все понятия должны быть четко определенными и однозначными, сложно. В рамках международного сообщества это невозможно ввиду различных путей исторического развития, менталитета каждого народа, языков, традиций, правовой культуры, представлений о нравственности, быта людей. Точки соприкосновения и пересечения культур и правового пространства, безусловно, присутствуют и обусловлены процессами глобализации и конвергенции. Однако, если речь касается одного государства, то их значительно больше, включая единое представление о справедливости.

В русском языке слово «справедливость» является родственным древнерусскому слову «правъ», означающему «прямой, не отклоняющийся в стороны». На основе этого значения развивается идея правильности как следования лучшему, прямому (правильному) пути. В свою очередь, однокоренной глагол «направлять» ведет к формированию значений «руководить, наставлять», «руководитель, наставник». Соответственно, появляются понятия «правило», «правила», «править», «исправлять».

Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля толкует понятие «справедливость» исходя из слова «справливать, то есть соблюдать, совершать, отправлять или праздновать по обычаям, обрядам» [Даль 1880: 661]. В определении В. И. Даля, на наш взгляд, кроется истинная сущность понимания категории «справедливость» в духе русского языка и русского менталитета в целом. На основании этого представления о справедливости были созданы основные письменные источники русского права, например, Русская Правда, которая включила в себя устоявшиеся в древнерусском обществе обычаи, способы разрешения тех или иных вопросов.

Понимание справедливости для русского человека – это вопрос его жизнеспособности в настоящем и основа формирования образа его будущей жизни. Поиск справедливости как воплощения «высшей правды» живет в нас из поколения в поколение, являясь движущей энергией всех социальных трансформаций. Многие русские писатели говорили о том, что высшая и самая характерная черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда ее, то есть поиск истины, некогда принадлежавшей человеку по праву, но изъятой из окружающей реальности, подлежащей возвращению в человеческий мир через колоссальную борьбу.

В свою очередь, понятие справедливости в европейском понимании отличается от русского. «Justitia» (лат. «справедливость») происходит от слова «jus» – право. В английском языке «право» и «справедливость» обозначены одним словом «justice». Это говорит о том, что в западном устройстве римского права справедливость и право в лице закона тождественны и при этом успешно реализуемы.

Особенность европейского менталитета состоит в строгом следовании закону, за которым, каким бы он ни был, признается презумпция справедливости. Особенность русского менталитета выражается в русской поговорке: «хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили». Из этого факта можно сделать вывод о том, что в основе всех правовых доктрин лежит идея справедливости, но она имеет различия в нормативном закреплении и повседневной реализации.

В. С. Соловьев рассматривал справедливость сквозь призму единства права и нравственности. Право в его понимании должно стать неизбежным этапом эмпирического становления справедливости, в чем лежит его нравственное оправдание [Соловьев 1998: 137]. Как показывает действительность, данное учение нереализуемо в российском обществе, поскольку оно негативно, недоверчиво относится к праву и к государству в целом. Данные воззрения отражаются в учении Л. Н. Толстого, отвергающего право и рассматривающего его как зло.

Понятие «справедливость» является основой осуществления правосудия. Платон, рассматривая справедливость с политико-правовой стороны, утверждал, что «каждый человек и каждая вещь имеют свое место и функцию, отведенную безличным вселенским законом. Поддержание заданного порядка и гармонии, как во взаимоотношениях с природой, так и в человеческом сообществе, справедливо и мудро» [Хеффе 1994: 132]. Основная цель судопроизводства заключается в защите прав и законных интересов субъектов, а также в восстановлении нарушенного правового положения лица. Судебная система стремится к точке равновесия, которое имело место в обществе до нарушения прав субъекта. Следовательно, чтобы правосудие было эффективным, оно должно быть справедливым.

Обратимся к ст. 6 Конвенции, где речь идет о справедливом судебном процессе: «Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Данное определение распространяет понятие «справедливый» категориями «разумный срок», «независимый», «беспристрастный», «законный», являющимися, вероятно, условиями достижения справедливости.

В российском законодательстве в нормах Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) категория «справедливость» отдельно не выделена, но посредством косвенных заключений можно вычленить те составляющие, в которых проявляется данное правовое явление. В п. 1 ст. 391.11 ГПК РФ указано, что «... права на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон». Как видим, в данном определении условием достижения справедливости называются принцип состязательности и равноправие сторон.

Другим примером является ст. 12 ГПК РФ «Осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон», где в пункте 2 происходит расширение этих двух понятий: «суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам,

участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или не совершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел».

В контексте, начинающемся со слов «осуществляет руководство процессом...», мы наблюдаем описание сущности судейского усмотрения, цель которого заключается в том, что суд выступает не карательным органом, который ориентируется слепо лишь на закон, а исходит в своих решениях из реальных интересов граждан, стремится восстановить их права. Однако этот же контекст наглядно демонстрирует, что судейское усмотрение строго ограничено требованием четкого следования закону. На практике это нередко приводит к тому, что «законность» идет вразрез со «справедливостью».

В Постановлении по делу «Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации» от 27.03.2008 (жалоба № 44009/05) ЕСПЧ признал нарушение права на судебную защиту лица, признанного судом недееспособным, в связи с признанием его таковым. Гражданин Штукатуров не имел возможности самостоятельно подать кассационную жалобу, поскольку ГПК РФ предусматривал возможность участия недееспособных лиц в гражданском судопроизводстве только через представителя. Иными словами, лицо, признанное в суде недееспособным, не может обратиться с жалобой в вышестоящую инстанцию ввиду его процессуального статуса. Вопрос о справедливости принятого судом решения остается открытым. В данном случае суд мог самостоятельно оценить возможность лица представлять свои интересы, но, поскольку суд ограничен в этом, гражданин обратился в ЕСПЧ. Впоследствии с учетом данного постановления ЕСПЧ были внесены изменения в ГПК РФ.

До сих пор право на обжалование лица имеют лишь в случае, если суд принял судебные акты непосредственно об их правах и обязанностях. Зачастую

суды возвращают жалобы лица, которое не было привлечено к участию в деле, аргументируя это тем, что заявитель вправе защищать свои права в самостоятельном судебном процессе, поскольку на лиц, не участвовавших в деле, законная сила судебного акта не распространяется. Дореволюционное законодательство России подтверждает, что данная процедура существовала в процессуальном законодательстве, имеет исторические предпосылки и уходит корнями во времена Новгородской и Псковской судных грамот.

Основная проблема в том, что понятия «законность» и «справедливость» в национальном законодательстве не совпадают по объему и содержанию. Более того, законодательно зафиксирована только категория «законность», а нормативное закрепление понятия «справедливость» отсутствует. Данное обстоятельство приводит к тому, что правильное с точки зрения закона обстоятельство может быть одновременно несправедливым. Возможность существования такого противоречия в гражданском судопроизводстве влечет большое количество обращений российских граждан в ЕСПЧ.

С закреплением понятия «справедливость» наравне с «законностью» судебское усмотрение приобретет свое законное обоснование и позволит подходить к разрешению каждого дела индивидуально. Безусловно, данное обстоятельство существенно усложнит работу судей, поскольку при судебском усмотрении необходимо соблюсти баланс интересов обеих сторон не только с точки зрения формальных норм, но и с точки зрения конкретных жизненных обстоятельств, не попадающих в правовое поле. Однако исключительно благодаря этому дело будет рассмотрено в полном объеме и с позиции закона, и с позиции жизненной ситуации, что значительно повысит уровень доверия российских граждан к судебной системе и авторитет судебных органов.

Помимо включения понятия «справедливость» в законодательство предлагаются разные варианты формулировок отдельных статей. Ю. А. Попова предлагает изменить редакцию ст. 2 ГПК РФ следующим образом: «Задачами гражданского судопроизводства являются справедливое судебное разбирательство гражданских дел, проведенное в разумные сроки;

постановление законного, обоснованного и справедливого судебного решения в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов» [Попова 2006: 15]. И. В. Воронцова рекомендует ч. 1 ст. 195 ГПК РФ изложить в следующей редакции: «Решение суда должно быть законным, обоснованным, справедливым» [Воронцова 2011: 75].

Сущность судебной практики сосредоточена в том, что если юрист, занимающийся частной практикой, использует в своей работе закон с точки зрения «чистого права», то судья при разрешении конкретных дел «наполняет» закон справедливостью. В результате деятельности судебных органов происходит трансформация одного источника права (закона, подзаконного акта) в судебную практику, которая наполняется «живым содержанием» [Лаптев 2015: 30]. В этом и заключается ценность и сущность судейского усмотрения при разрешении гражданских дел.

Исходя из сказанного выше, можно сделать следующий вывод: если ЕСПЧ в ряде своих постановлений («Рябых против России», «Праведная против России») рекомендует нормативно закрепить понятие «справедливость» в современном гражданском процессуальном законодательстве, то необходимо прислушаться к данным высказываниям. При этом следует учитывать как европейское толкование справедливости, которое заключается в строгом соблюдении закона и следовании ему, так и российское понимание справедливости, не поддающееся формализации и четкому подчинению законодательным предписаниям в силу своей уникальности и своеобразия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В. И.* Толковый словарь великорусского языка. М., 1980. Т. 3.
2. *Воронцова И. В.* Справедливость в российском гражданском процессе. М., 2011.
3. *Лаптев В. А.* Решения судов в составе судебной практики: применение закона и принципа справедливости. М., 2015.
4. *Попова Ю. А.* Совершенствование некоторых институтов цивилистического процесса России в свете положений международных норм, принципов, договоров. М., 2006.
5. *Соловьев В. С.* Сочинения в двух томах. М., 1998. Т. 1.

6. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994.

REFERENCES

1. Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language [Tolkovyyiy slovar velikoruskogo yazyika]. Moscow, 1980. Vol. 3

2. Vorontsova I. V. Justice in the Russian Civil Process [Spravedlivost v rossiyskom grazhdanskom protsesse]. Moscow, 2011.

3. Laptev V. A. Court Decisions as a Part of Court Practice: Law Enforcement and Principle of Justice [Resheniya sudov v sostave sudebnoy praktiki: primenenie zakona i printsipa spravedlivosti]. Moscow, 2015.

4. Popova Y. A. Improvement of Some Institutes of Civil Process of Russia in the Light of Provisions of the International Standards, Principles, Contracts [Sovershenstvovanie nekotoryih institutov tsivilisticheskogo protsessa Rossii v svete polozheniy mezhdunarodnyih norm, printsipov, dogovorov]. Moscow, 2006.

5. Solovyov V. S. Writings in Two Volumes [Sochineniya v dvuh tomah]. Moscow, 1998. Vol. 1.

6. Heffe O. Policy. Right. Justice. The Fundamentals of Critical Philosophy of Law and State [Politika. Pravo. Spravedlivost. Osnovopolozheniya kriticheskoy filosofii prava i gosudarstva]. Moscow, 1994.

УДК 347.9, ББК 67.310, ГСНТИ 10.31.01, КОД ВАК 12.00.15

И. В. Рехтина, Е. Е. Руф

Барнаул, Россия

ТОЛКОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ КАТЕГОРИИ «РАЗУМНЫЕ СРОКИ» В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается процесс имплементации нового для российского гражданского процессуального права института разумных сроков, обусловленный ратификацией в 1998 году Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Описываются сложности с определением, толкованием, критериями применения данной категории. Анализируется соотношение данной категории с иными юридическими понятиями и конструкциями. Выделяются проблемы применения и толкования российскими судами разумных сроков при рассмотрении и разрешении конкретных гражданских дел. Отдельное внимание уделяется вопросу соотношения понимания и толкования категории «разумный срок» в актах Европейского Суда по правам человека и актах российских судов. Формулируется вывод о необходимости единого подхода Европейского суда по правам человека и Верховного Суда Российской Федерации при определении категории «разумный срок». Предлагаются рекомендации по совершенствованию действующего процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: гражданский процесс, правоприменение, разумный срок, судебные акты, Европейский Суд по правам человека.

Сведения об авторе: Ирина Владимировна Рехтина, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса, Алтайский государственный университет. 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61. E-mail: jerdel80@mail.ru

Сведения об авторе: Елизавета Евгеньевна Руф, студентка 4 курса юридического факультета, Алтайский государственный университет. 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61. E-mail: ruf.liza@mail.ru

I. V. Rekhina, E. E. Ruf

Barnaul, Russia

INTERPRETATION AND APPLICATION OF CATEGORY «REASONABLE TERM» IN CIVIL PROCEEDINGS

The article examines the process of implementing the institution of reasonable term, new for Russian civil procedural law, which appeared due to the 1998 ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Challenges of definition, interpretation,

criteria of application of this category are described. The correlation of this category with other legal and statutory concepts is analyzed. The problems of application and interpretation of reasonable terms by Russian courts during civil trials and settlement of specific civil cases are singled out. Special attention is paid to the issue of the ratio of understanding and interpretation of the category «reasonable term» in the acts of the European Court of Human Rights and acts of Russian courts. A conclusion is drawn on the need for a unified approach by the European Court of Human Rights and the Supreme Court of the Russian Federation on classification of the category «reasonable term». Recommendations are proposed to improve the current procedural legislation and law enforcement practice.

Key words: civil process, law enforcement, reasonable term, judicial acts, the European Court of Human Rights.

About the author: Irina Vladimirovna Rekhtina, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure, Altai State University. 656049, Barnaul, Lenin Avenue, 61. E-mail: jerdel80@mail.ru

About the author: Elizaveta Evgenievna Ruf, 4th-year student of the law faculty, Altai State University. 656049, Barnaul, Lenin Avenue, 61. E-mail: ruf.liza@mail.ru

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в п. 1 ст. 6 устанавливает: «Каждый в случае спора о его гражданских правах имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок...». С момента присоединения и ратификации Российской Федерацией данной Конвенции в 1998 году российские граждане стали массово обращаться в Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) с жалобами на чрезмерно длительное производство по их делам в национальных судах или на длительное неисполнение судебных решений. Данный факт привлек внимание как Верховного суда Российской Федерации, так и теоретиков, практиков. В декабре 2008 года состоялся VII Всероссийский съезд судей, на котором обсуждались факты и проблемы грубого нарушения сроков рассмотрения дел во всех звеньях российской судебной системы. В связи с этим обеспечение разумных сроков рассмотрения дел и исполнение судебных решений были названы главными задачами, требующими безотлагательного разрешения, что было отражено в Постановлении Съезда от

04.12.2008 года «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования».

На основе данного постановления, а также постановления ЕСПЧ от 15.01.2009 по жалобе «Бурдов против России» Верховный Суд РФ подготовил законопроект о разумных сроках судопроизводства, в котором указывалось на создание эффективного и отвечающего международным стандартам средства правовой защиты от нарушений, связанных с длительным неисполнением судебных актов. Данные законопроекты были внесены Президентом РФ в Государственную Думу и приняты в качестве федеральных законов в апреле 2010 года: Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»».

Дополнительно Верховный Суд РФ, выступая с идеей внедрения защиты граждан от нарушения разумных сроков рассмотрения дел, преследовал цель уменьшения количества обращений в ЕСПЧ, которые указывают на неэффективность внутригосударственной защиты и умаляют авторитет судебной власти в России. Сокращение обращений в ЕСПЧ соответственно снизит суммы компенсаций за нарушение разумных сроков, выплачиваемых из казны РФ.

В связи с введением понятия разумных сроков в процессуальное законодательство обоснованно возникает вопрос о расшифровке критериев, которыми руководствуется суд при квалификации срока как разумного.

Слово «разумный» происходит от слова «разум» (лат. ratio), «ум» [Большая советская энциклопедия, т. 26 1980: 564]. В философии данное понятие трактуется как «философская категория, выражающая высший тип мыслительной деятельности» [Новая философская

энциклопедия 2010: 546], «способность мыслить всеобще, способность анализа, абстрагирования и обобщения» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 51: 256]. В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «разумный» определяется как «логичный, основанный на разуме, целесообразный». [Ожегов, Шведова 1999: 634].

Исходя из трактовки слова «разумный», словосочетание «разумные сроки» можно трактовать как логически установленный, четко определенный, обоснованный объективными обстоятельствами период времени, в течение которого должны быть произведены определенные действия. Л. В. Соцура дает краткое, обобщающее, но емкое определение: «разумный срок – это такой срок, который необходим для выполнения определенных действий» [Соцура 2000: 16].

Применительно к процессуальному законодательству при трактовке разумных сроков необходимо руководствоваться европейским пониманием данного правового явления, поскольку названный институт пришел в российское пространство из законодательства европейских государств. ЕСПЧ под «разумным сроком судопроизводства» понимает весь период времени рассмотрения дела в судах: с момента подачи заявления в суд первой инстанции до момента вынесения последнего судебного акта по делу. Вопрос о разумности или неразумности сроков возникает тогда, когда суд выходит за пределы срока, установленного законом. В связи с этим ЕСПЧ при рассмотрении жалоб заявителей на решения национальных судов в первую очередь обращает внимание на законодательно установленные должные сроки рассмотрения или исполнения дел, а затем уже на иные обстоятельства, недостатки судопроизводства. Если наблюдается превышение сроков или их продление, что увеличивает общую продолжительность рассмотрения дела, то ЕСПЧ, часто без выяснения причин, признает виновность национального суда в нарушении разумных сроков, поскольку обеспечение своевременного рассмотрения дела – обязанность суда.

Например, в деле «Рыбаков против Российской Федерации» ЕСПЧ признал виновным российский суд в многолетнем нерассмотрении дела в связи с многократной неявкой истцов в судебное заседание, вследствие чего судебные заседания откладывались. В данном случае российский суд должен был принять меры в отношении недисциплинированных участников, в действиях которых наблюдается злоупотребление процессуальными правами. На данном примере мы видим, что ЕСПЧ трактует «разумные сроки» формально, строго в рамках национального законодательства.

В современном процессуальном законодательстве Российской Федерации в Арбитражном процессуальном кодексе РФ (далее – АПК РФ), в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ), в иных законодательных актах и официальной судебной практике, включая Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 29.03.2016 отсутствует дефиниция понятия «разумный срок». Имеется только расшифровка понятия «компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок (далее – компенсация) – как мера ответственности государства, имеющая цель возмещения причиненного неимущественного вреда фактом нарушения процедурных условий, обеспечивающих реализацию данных прав в разумный срок независимо от наличия или отсутствия вины суда, органов уголовного преследования, органов, на которые возложена обязанность по исполнению судебных актов...».

Законодатель нормативно не закрепил понятие «разумный срок» ввиду его оценочного характера, однако были закреплены критерии разумности срока, перекликающиеся с критериями, установленными в практике ЕСПЧ. Так, в п. 2 ст. 222.8 АПК РФ содержится перечень обстоятельств, на основании которых суд устанавливает факт нарушения права заявителя на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в

разумный срок, исходя из доводов, изложенных в заявлении. Среди последних указаны следующие обстоятельства.

1. Правовая и фактическая сложность дела. Определенные рекомендации по данному вопросу даны Высшим Арбитражным Судом РФ в Информационном письме № 167 от 1 июля 2014 года. Правовая сложность дела определяется исходя из категории дела (правовой природы экономического спора или иного дела). Все споры разделены на три категории: особо сложные, сложные и менее сложные. Письмо дает перечни дел, которые отнесены к той или иной категории. Например, дела, где объектом спора является недвижимость, в том числе и земля, отнесены к делам особой сложности (дела, связанные с защитой права собственности, иных вещных прав, дела о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по договору купли-продажи недвижимости и предприятий и т.д.). Фактическая сложность дела определяется исходя из объема дела и проделанной по нему работы. В частности, учитывается наличие обстоятельств, усложняющих рассмотрение дела: число истцов, ответчиков и других участвующих в деле лиц; количество заявленных требований и наличие встречных исков; необходимость проведения экспертиз, допроса свидетелей, участие в деле иностранных лиц, а также применение норм иностранного права.

2. Поведение заявителя и других участников арбитражного процесса. Речь идет о том, как граждане и юридические лица ведут дела в судах.

3. Достаточность и эффективность действий суда или судьи, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела. Понятие «достаточность» подразумевает совершение судом всех необходимых для вынесения обоснованного судебного решения действий, «эффективность» – достижение задач правосудия. Содержание понятия «своевременность» представляется более сложным. К. С. Юдельсон отмечал, что своевременное рассмотрение дела – это возможность рассмотреть дело в одном, причем следует отметить, – в первом судебном заседании [Юдельсон 1948: 5]. Это определение отчасти звучит как утопия, поскольку практика показывает, что в

первом судебном заседании рассмотреть гражданское дело практически невозможно по причинам, указанным выше в п.п. 1 и 2.

Представления И. Н. Бранта и К. И. Комиссарова о своевременности рассмотрения дела как строгим и неукоснительном соблюдении процессуальных сроков при рассмотрении гражданских дел [Брант 2008: 2; Кмиссаров 1978: 24], представляются более обоснованными.

4. Достаточность и эффективность осуществляемых в целях своевременного исполнения судебного акта действий органов, организаций или должностных лиц, на которые возложены обязанности по исполнению судебного акта. Данный критерий аналогичен третьему, только применяется исключительно к исполнительному производству.

5. Общая продолжительность судопроизводства по делу и неисполнения судебного акта. При исчислении общей продолжительности судопроизводства по делу учитывается только то время, в течение которого дело находится в производстве суда. В общую продолжительность судопроизводства по гражданским, административным делам, делам по экономическим спорам включается период со дня поступления искового заявления, административного искового заявления, заявления в суд первой инстанции до дня вступления в законную силу последнего судебного акта по рассмотренному делу, а по делу, производство по которому не окончено, – до дня поступления заявления о компенсации в суд, уполномоченный его рассматривать (п. 50 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11).

Совокупность обозначенных критериев составляет содержание категории «разумный срок», однако конкретный срок индивидуален для каждого дела. Следует отметить, что ранее в п. 3 ст. 2 АПК РФ было закреплено словосочетание «установленный законом», которое впоследствии было заменено на понятие «разумный срок», что автоматически относит данную категорию к объектам судебскому усмотрения.

Вопрос о признании срока неразумным сводится к тому, что тот или иной критерий оценен судом неверно. В связи с этим на практике проблема состоит в

том, чтобы доказать, вышел ли суд за рамки разумности при определении срока. Выше было отмечено, что ЕСПЧ решает данный вопрос с учетом презумпции виновности суда, опираясь строго на национальный закон без выяснения обстоятельств. В национальной же судебной практике ситуация складывается иначе, несмотря на закрепление данной процессуальной презумпции.

Институт разумных сроков был введен в процессуальные отрасли российского права с целью разрешения проблем длительного судопроизводства по конкретным делам. Следует констатировать, что появление данного института увеличило нагрузку на судебный корпус, в особенности на кассационную инстанцию. Дополнительно проблема усугубляется тем, что стремление побудить суды к ускорению разрешения дела часто приводит к необоснованной спешке. Вместе с тем суду бессмысленно намеренно затягивать процесс, поскольку это противоречит цели и задачам гражданского судопроизводства. При оценке разумности срока судьи руководствуются национальным законом, правовыми позициями ЕСПЧ, разъяснениями высших судебных инстанций.

Другая распространенная проблема, связанная с нарушением разумных сроков и увеличивающая длительность судебного процесса, это злоупотребление процессуальными правами участниками процесса, создание затруднений в развитии и завершении судебного процесса. Эти действия основаны на конкретных процессуально-правовых и материально-правовых интересах, часто представляются способом обеспечения судебной защиты прав лица. Один из самых частых примеров затягивания судебного процесса – это неявка в судебное заседание. Затягивание процесса может быть выражено в нераскрытии или непредставлении вовремя доказательств, уточнении исковых требований, изменении предмета, основания, цены иска и т.п.

А. В. Белякова в качестве причины длительности судебного процесса указывает формальность стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Согласимся с ней в том, что большее внимание к качеству проведения

подготовки дела к судебному разбирательству позволит собрать все необходимые доказательства, привлечь к участию всех заинтересованных лиц, выдать необходимые судебные поручения и в дальнейшем сэкономить время. В качестве примера А. В. Белякова использует опыт Германии, где стадия подготовки дела к судебному разбирательству занимает особое место.

Одним из способов сокращения количества нарушения сроков рассмотрения гражданских дел можно назвать более активное использование в рамках судебной процедуры альтернативных способов урегулирования споров путем применения профессиональной медиации, посредничества и переговоров.

Анализ российской судебной практики и практики ЕСПЧ позволяет сделать вывод о том, что ЕСПЧ преимущественно сводит причины нарушения разумных сроков рассмотрения дела в судах к вине самих судов, ограничиваясь в своих разъяснениях исключительно нарушением процессуального законодательства. Часто причиной нарушения разумных сроков является не столько вина судьи, сколько несовершенство правовой базы, новизна применяемых категорий и механизмов, а также злоупотребление участниками своими процессуальными правами. Законодатель предоставляет суду возможность судебного усмотрения при применении критериев разумности срока, однако подчеркивает, что его продолжительность должна определяться основной целью правосудия – защитой нарушенных прав и охраняемых законом интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брант И. Н.* Факторы, влияющие на своевременность рассмотрения гражданских дел. Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 4. С. 2–3.
2. Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. Под ред. А. М. Прохорова. М., 1969–1978. Т. 26.
3. *Комиссаров К. И.* Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству. М., 1978.
4. Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. М., 2010. Т. 3.

5. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М., 1999.
6. *Соцуро Л. В.* Толкование договора судом. М., 2008.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86-ти тт. СПб., 1890–1907. Т. 51.
8. *Юдельсон К. С.* Предварительная подготовка дела в советском гражданском процессе. М., 1948.

REFERENCES

1. Brant I. N. Factors Affecting the Timeliness of Civil Proceedings. [Faktory, vlijajushhie na svoevremennost' rassmotrenija grazhdanskih del. Arbitrazhnyj i grazhdanskij process]. Arbitration and Civil Proceedings 2008. № 4. P. 2–3.
2. The Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes. Edited by A. M. Prokhorov [Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: v 30 tomah. Pod red. A. M. Prohorova]. Moscow, 1969–1978. Vol. 26.
3. Komissarov K. I. Preparation of Civil Law Suits [Podgotovka grazhdanskih del k sudebnomu razbiratel'stvu]. Moscow, 1978.
4. New Encyclopedia of Philosophy: in 4 volumes [Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 tomah]. Moscow, 2010. Vol. 3.
5. Ozhegov S. I. The Dictionary of the Russian Language [Tolkovyj slovar' russkogo jazyka]. Moscow, 1999.
6. Sotsuro L. V. Construction of Agreement by Court [Tolkovanie dogovora sudom]. Moscow, 2008.
7. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes [Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 tomah]. St. Petersburg, 1890–1907. Vol. 51.
8. Yudelson K. S. Preliminary Preparation of Soviet Civil Law Suits [Predvaritel'naja podgotovka dela v sovetskom grazhdanskom processe]. Moscow, 1948.

РЕЧЕВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

УДК 347.1 , ББК 67.404, ГРНТИ 10.27, КОД ВАК 12.00.03

А. А. Селина, Ю. В. Холоденко

Барнаул, Россия

УДАЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ГРАЖДАН

В статье рассматриваются особенности и проблемы реализации такого способа защиты чести, достоинства и деловой репутации как удаление информации в сети Интернет. Указанный способ является одним из новых специальных способов защиты, закрепленных в ГК РФ в 2013 году Федеральным законом «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Проанализировано Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П, в котором давались пояснения относительно установления потенциальных ответчиков при реализации данного способа защиты, так как возникал вопрос, кого привлекать к ответственности при условии, что невозможно установить лицо, которое распространило порочащие сведения в сети Интернет. Ответственность у лиц наступает вне зависимости от того, зарегистрирован интернет-сайт в качестве средства массовой информации или нет. Исследована природа указанной выше ответственности, а также возможность применения мер по обеспечению иска, которые позволят приостановить распространение порочащей информации до принятия окончательного решения по судебному спору. В статье исследуются вновь принятые нормативно-правовые акты, которые непосредственно регулируют вопросы применения и дальнейший механизм реализации такого способа защиты, как удаление информации в сети Интернет. В статье представлена актуальная судебная практика по вопросам применения исследуемых способов защиты, выявлены практические и теоретические проблемы их применения, предложены изменения в действующее законодательство для устранения существующих недостатков правового регулирования защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан с помощью удаления порочащей информации из сети Интернет.

Ключевые слова: Интернет, удаление информации, зарегистрированный в качестве СМИ, ответственность владельца сайта.

Сведения об авторе: Анна Анатольевна Селина, магистрант первого курса кафедры гражданского права Алтайского государственного университета. 656031, Барнаул, ул. Крупской, 103-81. E-mail: lannet_the_best@mail.ru

Сведения об авторе: Юрий Витальевич Холоденко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68-415. E-mail: holodenko@de-kons.ru

A. A. Selina, Y. V. Kholodenko

Barnaul, Russia

DELETING INFORMATION IN THE INTERNET NETWORK AS A WAY OF PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION OF CITIZENS

The article examines the peculiarities and problems of implementing such a method of protecting honor, dignity and business reputation as deleting information from the Internet. This method is one of the new special ways of protection, captured in the Civil Code of the Russian Federation in 2013 by the Federal Law «On Amending Subsection 3 of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation». We analyzed Constitutional Court Ruling of the Russian Federation from 09.07.2013 № 18-P, which explained how to identify potential defendants when implementing this method of protection, since there is a question of who to prosecute, provided that it is impossible to identify the person who spread defamatory information in the Internet. The liability of individuals incurs regardless of whether the website is registered as a mass media or not. The nature of the above mentioned liability has been examined, as well as the possibility of taking measures to impose injunctive relief, which can curb the dissemination of defamatory information until a final decision is taken on the litigation. The article examines newly adopted normative legal acts that directly regulate the application and the further mechanism for implementing such a method of protection as the removal of information from the Internet. The article presents current court rulings linked to the protection methods investigated, states practical and theoretical problems of their application, proposes changes to the current legislation to eliminate existing deficiencies in the legal regulation of protecting the honor, dignity and business reputation of citizens.

Key words: the Internet, information deletion, registered as a media, responsibility of the site owner.

About the author: Anna Anatolyevna Selina, undergraduate of the first year of Department of Civil Law, Altai State University. 656031, Barnaul, ul. Krupskoy, 103, k. 810. E-mail: lannet_the_best@mail.ru

About the author: Yury Vitalyevich Kholodenko, Candidate of Law, associate Professor of Department of Civil Law, Altai State University. 656049, Barnaul, prospect Socialistichesky, 68-415. E-mail: holodenko@de-kons.ru

Ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) (в редакции Федерального закона от 2 июля 2013 г. N 142-ФЗ) предусматривает ранее не закрепленные в указанной норме специальные способы защиты чести, достоинства и деловой репутации. Среди нововведений – законодательное закрепление такого способа защиты чести, достоинства и деловой репутации, как удаление информации в сети Интернет.

В соответствии с п. 5 ст. 152 ГК РФ гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети Интернет.

Данная формулировка подразумевает как случаи, когда первично распространенные в средствах массовой информации, печатных изданиях, документах, исходящих от организаций, и другими подобными способами порочащие сведения стали впоследствии доступны в сети Интернет, так и случаи, когда указанные сведения были первично размещены в сети Интернет.

Так, например, из материалов гражданского дела № 2-2815/2014 следовало, что сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию В. И. Шулепова, были опубликованы в номере 2 газеты «Ухта», в статье «Лидер КПРФ в Коми удачно приватизировал детский сад». После этого данные сведения также были размещены на интернет-сайте газеты. Ухтинский городской суд Республики Коми своим решением обязал муниципальное унитарное предприятие «Редакция газеты «Ухта» МОГО «Ухта» в течение трех дней со дня вступления решения в законную силу удалить данную статью,

находящуюся на интернет-сайте газеты (Решение Ухтинского городского суда по гражданскому делу № 2-2815/2014).

Представитель ответчика в судебном заседании пояснила, что интернет-сайт газеты «Ухта» не является отдельным изданием, так как не зарегистрирован в качестве средства массовой информации, представляет лишь интернет-версию газеты «Ухта». В обоснование своей позиции она ссылалась на то, что ответственность лиц, обеспечивающих размещение информации и доступ к ней на сайтах в сети Интернет, не являющихся СМИ, действующим законодательством не предусмотрена.

Но Ухтинский городской суд принял во внимание постановление Конституционного Суда РФ № 18-П от 09.07.2013 года, в котором Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) обозначил потенциальных ответчиков, указав, на кого может быть возложена обязанность реализации данного способа защиты (владелец сайта или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте) вне зависимости от того, зарегистрирован интернет-сайт в качестве СМИ или нет (Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пп. 1, 5 и 6 ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова»).

КС РФ мотивировал это тем, что возможность установить виновное лицо не всегда присутствует, например, если не соответствующая действительности информация была размещена на анонимной основе в форуме интернет-сайта или же лицо зарегистрировалось в социальных сетях под вымышленным именем. Данное техническое препятствие не должно расцениваться как барьер к защите гражданином своих прав и становиться помехой к восстановлению положения, существовавшего до нарушения.

Обязанность удаления информации возложена не только на владельца сайта, но и на лицо, осуществляющее его администрирование, в том случае если информация распространена на сайте и идентифицировать пользователя, разместившего указанную информацию, невозможно. Если имеется

возможность достоверно установить пользователя, то и он, и владелец сайта должны привлекаться к ответственности.

Так, Горно-Алтайский городской суд решением от 24.06.2014 обязал владельца электронного СМИ «Новости Горного Алтая» Д. А. Кобзева незамедлительно после вступления решения в законную силу удалить комментарии за подписью пользователя сайта А. Адарина. Так как в судебном заседании не установлены факты противоправных действий ответчика А. Т. Адарина, а именно не доказано его авторство комментариев, обязанность по удалению информации из сети Интернет была возложена на владельца сайта.

Конституционный Суд также отметил, что подобная обязанность не должна расцениваться как мера ответственности для лиц, которые должны осуществлять удаление информации из сети Интернет, а должна восприниматься как законный способ защиты прав гражданина. В юридической литературе этот вывод Конституционного Суда РФ вызвал достаточно много дискуссий.

В данной ситуации все зависит от того, что понимать под мерами ответственности и как они соотносятся с гражданско-правовыми способами защиты. Если под мерами ответственности понимать наложение дополнительных обременений, нежелательных для лица, в силу которых оно вопреки своей воле должно совершить определенные действия (воздержаться от совершения действий), в том числе влекущие для него имущественные затраты, удаление информации в Интернете – это не только способ защиты (для потерпевших), но и мера гражданско-правовой ответственности [Гаврилов 2014: 50].

Важно отметить, что обязанность удалить информацию у владельца сайта возникает лишь в случае наличия соответствующего судебного решения, а не при «рядовом» обращении заинтересованного лица, так как владелец сайта объективно ограничен в возможности определять достоверность информации, размещаемой на сайте третьими лицами, а возложение на него подобной

обязанности означало бы отступление от конституционных гарантий свободы слова. Владелец сайта обязан реагировать лишь на достоверные факты, которые установлены судебным решением.

Если же владелец сайта и/или его администратор уклоняются от исполнения требования об удалении порочащей информации во исполнение судебного решения, то потерпевший вправе предъявить требование о возмещении причиненных убытков и компенсации морального вреда в результате допущенного бездействия.

Не секрет, что судопроизводство по гражданским делам может растянуться на месяцы или вовсе на несколько лет. В этом случае оспариваемая гражданином или юридическим лицом информация, размещенная в сети Интернет, может продолжать наносить репутационный и материальный ущерб. В целях предотвращения подобных последствий КС РФ указал на возможность применять меры по обеспечению иска, которые позволят приостановить распространение порочащей информации до принятия окончательного решения по судебному спору.

После принятия Федерального закона от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», фактического введения и применения в РФ механизма блокировки интернет-сайтов у заинтересованного лица имеется реальная возможность предотвратить распространение порочащих сведений путем технической блокировки сайта-источника до момента принятия судом соответствующего решения по делу. Однако на практике применение этой возможности затрудняется отсутствием механизма реализации данной процедуры.

Необходимо совершенствовать правовую регламентацию такого способа защиты чести, достоинства и деловой репутации, как удаление информации в сети Интернет, чтобы предусмотреть более эффективный механизм защиты указанных нематериальных благ от диффамации в сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов Е. В. Удаление информации в сети Интернет как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации. Законодательство и экономика. М. 2014. № 2. С. 49–53.

REFERENCES

1. Gavrilov E. V. Information Deletion from the Internet as a Means of Protecting Honour, Dignity and Business Reputation [Internet kak sposob zashhity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii]. Law and Economy. Moscow. 2014. № 2. P. 49–53.

УДК 81-133 ББК 81 ГРНТИ 16.31.02 КОД ВАК 10.02.01

А. В. Снигирев

Екатеринбург, Россия

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ВЫЗВАННЫХ РЕЧЕВЫМИ КОНФЛИКТАМИ, В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ ПЕРИОДА СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Понятийно-терминологический аппарат русского права в области правонарушений, связанных с речевыми конфликтами, пережил множество этапов на пути своего становления. В данной статье произведен анализ правовой системы Московского государства от начала централизации до эпохи Петра I (XV–XVII века).

В период существования Великого княжества Московского продолжает формироваться и юридически закрепляться понимание нематериальных прав лица, когда ущерб может быть нанесен не только физический, но и моральный, что находит свое отражение в понятии «бесчестие». Возникают и закрепляются виды нанесения ущерба нематериальным правам лица, среди которых те или иные виды «оскорбления действием» перестают занимать основное место, наряду с ними закрепляется осознание правонарушений, совершаемых посредством употребления языковых единиц. Основным видом правонарушения, связанным с речевыми конфликтами, перестает быть «клевета», важную роль приобретает «оскорбление», особое внимание уделяется «государеву слову и делу» – правонарушениям, соотносимым с современными нам призывами к свержению существующего конституционного строя. В исследуемый период проходит сложный процесс создания терминологической парадигмы, связанной с преступлениями, вызванными речевыми конфликтами. На смену существовавшим ранее понятиям приходят новые, еще не обладающие четким объемом значения. Наконец, начинает осознаваться роль контекста высказывания, от которого теперь зависит мера избираемого наказания.

Ключевые слова: Московская Русь, нормативно-правовые акты, оскорбление, клевета, правонарушения.

Сведения об авторе: Алексей Васильевич Снигирев, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета. 620027, Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка 51-15, E-mail: alex_sengir@rambler.ru

A. V. Snigirev

Yekaterinburg, Russia

REFLECTION OF LAW OFFENSES CAUSED BY SPEECH CONFLICTS IN THE LEGAL DOCUMENTS OF THE DEVELOPMENT OF A UNIFIED MUSCOVITE STATE

The conceptual and terminological apparatus of the Russian law in the field of law offenses connected with verbal conflicts has passed through numerous stages of formation. The article analyses the legal system of Muscovite State from the beginning of its unification to the epoch of Peter the Great I (XV–XVII centuries).

During the period of the Grand Duchy of Muscovy there formed and got legally enshrined the understanding of intangible rights when damage inflicted can be not only physical but also non-pecuniary or so called «disgrace».

New types of damage to the intangible rights of a person arise and get formalized, among them some types of «insults by action» cease to occupy the main place, while the offenses committed through the use of linguistic units become recognized. «Slander» ceases to be the main offense related to verbal conflicts, an important place is occupied by «insult», special attention is paid to «the sovereign's word and deed» – offenses related to what is interpreted in modern legislation as «calls for the overthrow of the existing constitutional order». The period under discussion sees the complicated development of terminological paradigm binding crimes caused by speech conflicts. Old concepts are replaced with new ones, which yet do not have the full scope of meaning. The role of the context of an utterance becomes important and determines the legal penalty imposed.

Key words: Muscovite State, normative legal acts, insult, slander, offenses.

About the author: Alexey Vasil'evich Snigirev, Associate Professor of the Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture, Ural State Law University. 620027, Ekaterinburg, ul. Mamina-Sibiryaka 51-15. E-mail: alex_sengir@rambler.ru

Понятийно-терминологический аппарат русского права в области правонарушений, связанных с речевыми конфликтами, пережил множество этапов на пути своего становления. От первой попытки унификации норм русского права, которая была сделана князем Владимиром, до современных Кодексов пройден долгий путь. В данной статье, посвященной истории правонарушений, вызванных речевыми конфликтами, будет произведен анализ правовой системы Московского государства от начала централизации до эпохи Петра I (XV–XVII века).

В рассматриваемый период, связанный со становлением нового национального и государственного самосознания, был создан ряд документов, определивших и во многом повлиявших на развитие отечественного права. Прежде всего это Судебник 1497 года, Судебник 1550 года, Указы, которые должны были приписываться к Судебнику 1550 года, Соборное уложение 1649 года. Следующий важный шаг в развитии отечественной юриспруденции будет совершен уже Петром I.

Итак, важнейшим документом рассматриваемой эпохи становится Судебник 1497 года, в котором нашли воплощение как статьи уже существовавших нормативно-правовых актов, так и новые. Появляются и закрепляются новые правонарушения, связанные с речевыми конфликтами в частности и употреблением слова в общем, уточняются и/или получают развитие уже существовавшие статьи.

Наряду с уже существовавшим термином «поклеп» появляется термин «ябедничество»: *«О татбе. А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью»* [Памятники русского права 1955: 347] и: *«О татех указ. А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничьство, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой, и ему того велети казнити смертною казнью»* [Памятники русского права 1955: 353]. Как мы видим, наказание за «ябедничество», вне зависимости от социального статуса, подразумевает смертную казнь. Исследователи, опираясь на дошедшие до нашего времени судные грамоты той эпохи, традиционно рассматривают «ябедничество» как ложные обвинения с целью вымогательства. С другой стороны, в тексте встречается и термин «поклеп», но он связан уже с иным видом преступления, которое можно приблизительно обозначить как «оговор»: *«А которому дадут татя, а велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно, а на кого тать что възговорит, и ему то сказати великому князю или судии, которой ему татя даст, а клепати ему татю не велети никого»* [Памятники русского права 1955: 351]. Таким

образом, можно высказать предположение, что была предпринята попытка разграничения просто «клеветы» («ябедничества») как ложного обвинения, совершенного публично по доброй воле, и «оговора» («поклепа») как ложного обвинения, совершенного в процессе следственных мероприятий (то есть попросту – под пытками).

Также указывается такой вид преступления, как «крамола» (уже упоминавшийся в более ранних местных документах), который, кроме физических действий, направленных во вред существующему строю, подразумевает и речевые акты антигосударственного содержания, причем в обоих случаях наказание подразумевает смертную казнь: *«А государскому убойце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казньою»* [Памятники русского права 1955: 347]. В сводном судебнике текст данной статьи несколько уточнен: *«А государьскому убойце, и градцкому здавцу, и коромолнику, и церковному, и головному татю, и подметчику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку, живота не дати, казнити его смертною казньою»* [Памятники русского права 1955: 507], появляется «подметчик» – автор и распространитель «крамольных» текстов.

Встречается и термин, непосредственно связанный с понятием «речевого конфликта», уже упоминавшийся в первой главе «лай», но его использование является эпизодическим, впоследствии он будет заменен другими обозначениями: *«А кто кого поймает приставом в бою или в лае, или в займех и на суд не восхотят, и они доложат судии, помирятся, а судьи продажи на них нет, опроче езд и хоженного»* [Памятники русского права 1955: 355].

В Судебнике 1550 года, примыкающем к нему Судебнике 1589 года, Сводном судебнике и приказных указах времени правления Ивана Грозного впервые детальнейшим образом рассматривается понятие «бесчестие». Контекст, в котором употребляется это понятие, явно говорит о том, что нанесение урона чести истца может быть осуществлено как действием («увечие»), так и словом. Компенсация ущерба за данное деяние имеет не

только социальную, но и гендерную дифференциацию: деяние против женщин наказывается вдвое строже, чем против мужчин, и факт этот мало согласуется с существующим в массовом сознании мифом о несправедливости и незащищенности женщины: *«А безчестие детям боярским, за которыми кормленья, указати против доходу, что на том кормленья доходу по книгам, а жене его безчестья вдвое против того доходу. А которые дети боярские емлют денежное жалованье, и сколько которой жалованья имал, то ему и безчестье, а жене его вдвое против его жалованья. А дьяком полатным и дворцовым безчестье что царь и великий князь укажет, а женам их вдвое против их безчестья. А гостем большим безчестья пятьдесят рублей, а женам их вдвое против их безчестья. А торговым людям и посадичим людям и всем середним безчестья пять рублей, а женам их безчестья против их безчестья вдвое. А боярскому человеку доброму безчестья пять рублей, опричь тиунов и доivotчиков, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или доivotчику и праведчику безчестья против его доходу, а женам их вдвое. А крестьянину пашенному и непашенному безчестья рубль, а жене безчестья два рубля. А боярскому человеку молодчому или черному городцкому человеку молодчому безчестья рубль же, а женам их безчестья вдвое. А за увечье указывати крестьянину, посмотри по увечью и по безчестью; и всем указывати за увечье, посмотри по человеку и по увечью»* [Памятники русского права 1956: 238]. Любопытно, что впоследствии происходило уточнение системы компенсационных выплат, в частности, в связи с появлением новых гильдий и профессий. Так, в Указной книге земского приказа находим следующее разъяснение: *«И в Казенном приказе, по государеву указу, суконные сотни торговым людям за безчестье указывают лутчому человеку пятнатцать рублей, середнему человеку десять рублей, молодчому пять рублей. А у подлинной памяти припись»* [Памятники русского права 1956: 376].

В правовых документах исследуемого периода используется термин «лгать», повторяющий уже упомянутый «наводки» из Новгородской судной грамоты: *«А хто виноватой солжет на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка, или на подьячего, а обыщетца то в*

правду, что солгал, и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью бита кнутъем, да вкинута в тюрьму» [Памятники русского права 1956: 234]. В Судебнике 1589 года уточняется список должностей, защищаемых законом от клеветы: *«А хто виноватой солжет на боярина, или на дворецкого, или на судью, или на дьяка, или на кого ни буди, а сыщут, что солгал, и того жалобника повинити, безчестие на нем взяти, да бити его кнутом, да вкинуги в тюрьму, да порука взяти, что впредь не лгати»* [Памятники русского права 1956: 414].

Уставные книги разбойного приказа времен Ивана Грозного, в связи с массовым применением пыток при судопроизводстве, посвящают большое количество текстов «поклепу», то есть, в данном контексте, «оговору». В них рассматривается вопрос о том, когда и по какой причине признания, полученные под пытками, можно рассматривать как «поклеп».

Любопытно, что записи процессов дают одно из первых определений оскорбительной, бранной лексики. Так, в «Сыске по обвинению гулящего человека Василия Лося в государевом деле 1627 года, августа 29 – 1628 года, сентября 21» находим: *«А Васька Лось в разспросе и с очей на очи с тем крестьянином с Томилком Васильевым говорил: “какое он про тебя, государь, непригожее слово говорил или нет, того он не упомянет, потому, что был пьян”»* [Памятники русского права 1956: 155]. Данное словосочетание – «непригожее слово»/«непригожие слова» встречаются в данный период неоднократно, и впоследствии постепенно будут заменены иной терминологией.

Следующий важнейший документ анализируемого периода – Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. Принципиальное отличие данного документа от текстов предыдущих эпох – введение сурового наказания за «богохульство», причем преступление это имеет более широкое наполнение, чем упоминавшиеся выше «церковная татьба» или «еретичество». Богохульство связано едва ли не в первую очередь с речевыми конфликтами на религиозной почве: *«Будет кто иноверцы, какия ни буди веры, или и Руской человек,*

возложить хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию, или на честный Крест, или на Святых Его угодников: и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма; и того богохульника обличив казнити, сжечь» [Памятники русского права 1959: 22]. Как видно из текста, появляется еще один термин, связанный с правонарушениями в речевой сфере – «хула», интерпретируемая как оскорбление христианской веры, отрицание ее канонов, или, что явствует из контекста, символов веры.

Следующее упоминание о преступлении в речевой сфере связано с «Государевым словом и делом», уже упомянутой ранее «крамолой», которая понимается еще более широко: *«Будет кто каким умышлением учнет мыслити на Государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщется до пряма, что он на Царское Величество злое дело мыслил, и делать хотел: и такова по сыску казнити смертию»* [Памятники русского права 1959: 28].

Более подробно, хотя по-прежнему местами противоречиво, разбирается «бесчестие», возникающее в результате оскорбления словом, причем статьи, связанные с бесчестием, носят явно сословный характер: *«Будет кто при Царском Величестве, в Его Государеве дворе, и в Его Государских палатах, не опасяючи чести Царскаго Величества, кого обезчестит словом; а тот, кого он обезчестит, учнет на него Государю бити челом о управе, и сыщется про то допряма, что тот, на кого он бьет челом, его обезчестил: и по сыску за честь Государева двора того, кто на Государеве дворе кого обезчестит, посадити в тюрьму на две недели, чтобы на то смотря иным неповадно было впредь так делати. А кого он обезчестит, и тому указати на нем безчестие»* [Памятники русского права 1959: 37]. Как мы видим, отягчающим обстоятельством становится условие коммуникации – место произнесения хулы. Данная мысль прослеживается и в следующей статье: *«А кого судьи велят поставить к суду: и истцу и ответчику, став перед судьями искать и отвечать вежливо и смирно*

и не шумко, и перед судьями никаких невежливых слов не говорить, и меж себя не браниться. А будет перед судьями истец или ответчик меж себя побранятся, и кто кого из них обезчестит непригожим словом: и того, кто перед судьями кого обезчестит словом, за судейское безчестие посадити в тюрьму на неделю; а кого он словом обезчестит, и тому велети на нем доправити безчестие по указу» [Памятники русского права 1959: 93]. Данная статья становится в чем-то предтечей наказания за неуважение к суду.

Особо рассматривается «бесчестие», совершенное государственными служащими: *«А будет кто служилой человек, едучи на Государеву службу, или едучи с Государевы службы, приедет к кому на стан по недружбе нарядным делом для задору, и в том межь ими учинится брань и бой, и на бою будет тот, который приедет на чужой стан насильством, кого Убьет, или ранит, или ограбит: и того по сыску за смертное убойство казнити смертию же. А будет он на том стану только рукою ударит, а не до смерти убьет, и не ранит, или словом кого обезчестит, или у кого грабежем что возмет, а сыщется про то допряма: и тому учинити наказание смотря по вине; да на нем же велети тому, кого он рукою ударит, или словом обезчестит, доправити безчестие и грабеж вдвое» [Памятники русского права 1959: 58].* Как мы видим, преступления, совершенные при исполнении обязанностей, даже если это «бесчестие словом», также наказываются более строго.

Как и в предыдущих нормативно-правовых актах, в случаях, когда пострадала женщина, «бесчестие непригожим словом» наказывается вдвое строже: *«А будет, кто ни буди, обезчестит непригожим словом чью жену, или дочь девку или сына неверстаннаго, какова чина ни буди, и женам и дочерем девкам и сыновьям неверстанным по суду и по сыску правити за их безчестия: жене против мужня оклада вдвое; дочери девке против отцова оклада в четверо; сыну неверстанному против отцова оклада вполы» [Памятники русского права 1959: 92].*

Рассматриваются и семейные ссоры, но при их правовой регламентации употребляется иное выражение – «грубые речи», которое не синонимично

«непригожим словам», потому что, в числе прочего, наверняка включает оценку интонации и высоты тона говорящего: *«А будет кто сын, или дочь, не помня закона Христианского, учнет отцу, или матери грубия речи говорите, или отца и мать с дерзости рукою зашибет, и в том на них отец, или мать учнут бити челом: и таких забывателей закона Христианского за отца и мать бити кнутом»* [Памятники русского права 1959: 430]. Более мягкое наказание за данное правонарушение также позволяет интерпретировать его не как «бесчестие», а, скорее, как проявление неуважения и/или грубости.

Таким образом, проанализированные тексты позволяют сделать следующие выводы. В период существования Великого княжества Московского продолжает формироваться понимание нематериальных прав лица, подразумевающих возможность нанесения ему не только физического, но и морального ущерба, что находит свое отражение в понятии «бесчестие». Возникают и получают правовое закрепление виды нанесения ущерба нематериальным правам лица, среди которых те или иные виды «оскорбления действием» перестают занимать основное место, наряду с ними закрепляется осознание правонарушений, совершаемых посредством употребления языковых единиц. Основным видом правонарушения, связанным с речевыми конфликтами, перестает быть «клевета», важную роль приобретает «оскорбление», особое внимание уделяется «государеву слову и делу» – правонарушениям, соотносимым с современными нам призывами к свержению существующего конституционного строя. В исследуемый период проходит сложный процесс создания терминологической парадигмы, связанной с преступлениями, вызванными речевыми конфликтами. На смену существовавшим ранее понятиям приходят новые, еще не обладающие четким объемом значения. Наконец, начинает осознаваться роль контекста высказывания, от которого теперь зависит мера избираемого наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Памятники русского права». М., 1956. Вып. 4.
2. «Памятники русского права». М., 1959. Вып. 5.

REFERENCES

1. «Heritage of Russian Law» [Pamjatniki russkogo prava]. Moscow, 1956. Issue 4.
2. «Heritage of Russian Law» [Pamjatniki russkogo prava]. Moscow, 1959. Issue 6.

ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИЯ

УДК: 81'11, ББК 81.411.2-3, ГРНТИ 16.21.47 КОД ВАК 10.02.19

Е. Е. Абрамкина

Новосибирск, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ГИПОНИМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ СЛОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ

В данной работе рассматривается один из методов решения такой сравнительно редкой в лингвистической экспертизе задачи, как определение вхождения одного понятия в группу других. На материале лингвистического исследования устава жилищного накопительного кооператива и закона о жилищных накопительных кооперативах решается вопрос о включении значения слова «ипотека» в группу понятий, объединенных словосочетанием «виды деятельности» жилищного накопительного кооператива. Анализ проводится в несколько этапов. На первом этапе производится лексико-семантический и компонентный анализ слова «ипотека», в результате чего определяется круг его значений как в повседневной речи, так и в экономической и юридической коммуникации. Затем определяются понятия, входящие в группу «виды деятельности» жилищного накопительного кооператива, приводятся словарные дефиниции каждого понятия. Анализ значений этих понятий и их сопоставление со значениями слова «ипотека» позволяет построить гипонимическую цепочку и определить место понятия «ипотека» в этой цепочке.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, гипонимия, смысловое содержание, официально-деловой текст.

Сведения об авторе: Елена Евгеньевна Абрамкина, ассистент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета. 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1, каб. 1269. E-mail: abramkinaee@list.ru

E. E. Abramkina

Novosibirsk, Russia

THE ANALYSIS OF HYPONIMIC WORD RELATIONS IN THE LINGUISTIC EXAMINATION OF OFFICIAL TEXTS

The paper is devoted to one of the solution methods of a considerably rare problem faced by linguistic examination, which is specification of one concept inclusion within a group of other concepts. Basing on the linguistic examination of the memorandum of a housing saving co-operative and the act of the housing saving co-operative the article considers the issue of including the notion «mortgage» into the group of notions united by the collocation «activity types» of a housing saving co-operative. The analysis is done in several stages. At the first stage the lexical and conceptual analysis of the word «mortgage» is applied, as the result of which the spectrum of meanings of the word both in vernacular, economic and juridical communication is outlined. After that, notions included into the group «activity types» of a housing saving co-operative are defined, with attached dictionary definition of each word. The analysis of these notions and their comparison to the notion «mortgage» allows us to build a hyponymic chain and to spot the place of the word «mortgage» in the chain.

Key words: linguistic examination, hyponymy, meaning, official text.

About the author: Elena Evgenevna Abramkina, lecturer of Chair of Fundamental and Applied Linguistics of Novosibirsk State University. 630090, Novosibirsk, ul. Pirogova, 1, office 1269. E-mail: abramkinaee@list.ru

Толкование значения слова и определение его роли в конкретном тексте является одной из типичных задач лингвистической экспертизы. Однако такой ее аспект, как установление синонимической или гипонимической связи слов, встречается в экспертной практике достаточно редко. Главным образом эта задача связана с экспертизой спорных товарных знаков, также с автороведческой экспертизой, в то время как при лингвоэкспертном исследовании официально-деловых текстов такой вопрос обычно не ставится. В данной статье характеризуется лингвистическое исследование, выполненное автором и посвященное определению вхождения понятия «ипотека» в ряд понятий, объединенных в группу «виды деятельности» конкретного жилищного накопительного кооператива (далее – ЖНК). Будет рассмотрен один из

способов решения этой проблемы и предложен определенный алгоритм решения подобного рода задач.

В качестве материалов для исследования были предоставлены «Устав ЖНК», «Договор о вступлении в члены ЖНК» и «Федеральный закон о жилищных накопительных кооперативах № 215-ФЗ» в редакции от 30 декабря 2004 года. Все объекты были предоставлены в электронном виде.

Перед специалистом были поставлены следующие вопросы:

1. Установить смысловое содержание слова «ипотека».

2. Подходит ли смысловое содержание слова «ипотека» под вид деятельности конкретного жилищного накопительного кооператива?

Первое, что необходимо оговорить, касается отнесенности данных вопросов к компетенции лингвиста. Первый вопрос требует толкования значения и не вызывает сомнений. На второй вопрос можно отвечать как с юридической, так и с лингвистической позиции. Вторая позиция предполагает определение круга понятий, входящих в группу «виды деятельности», установление значений каждого из таких понятий и определение наличия или отсутствия отношений синонимии или гиперонимии между каждым из этих понятий и понятием «ипотека». Таким образом, для лингвистически корректного ответа на данный вопрос необходимо прежде всего установить значения всех спорных слов и словосочетаний.

Для установления смыслового содержания слова «ипотека» был проведен его лексико-семантический анализ, включающий определение частеречной принадлежности слова и его толкование. Кроме того, был проведен компонентный анализ данного понятия для определения значений минимальных составляющих его семантической структуры.

Лексико-семантический анализ представлял собой анализ словарных дефиниций слова «ипотека». Материалы толковых словарей русского языка дают следующие значения слова «ипотека»:

1. Согласно «Большому толковому словарю» под ред. А. С. Кузнецова «Ипотека – ссуда, выдаваемая под залог недвижимого имущества; залог недвижимого имущества под такую ссуду» [Большой толковый словарь 1998].

2. Согласно «Толковому словарю» Д. Н. Ушакова «Ипотека – заклад недвижимого имущества, остающегося во владении должника, но с запрещением права свободного распоряжения этим имуществом. || Ссуда, получаемая по такому закладу. || Запрещение, налагаемое на недвижимое имущество при таком закладе» [Ушаков 2008].

3. Согласно «Толковому словарю» С. И. Ожегова «Ипотека – залог недвижимого имущества; ссуда, выдаваемая под такой залог, а также соответствующий документ» [Ожегов 2009: 659].

4. Согласно «Современному толковому словарю русского языка» под редакцией Ефремовой «Ипотека – система предоставления населению долгосрочных кредитов для приобретения жилья, выдаваемых под залог недвижимого имущества» [Современный толковый словарь 2006].

Данные толковых словарей русского литературного языка позволяют заключить, что слово «ипотека» в русском языке является многозначным. Можно выделить следующие значения данного слова:

- залог недвижимого имущества для получения ссуды;
- сама ссуда, получаемая в результате такого залога;
- запрещение, которое налагается на недвижимое имущества при его залоге для получения ссуды;
- документ, подтверждающий получение ссуды под залог недвижимого имущества;
- система предоставления ссуд под залог недвижимого имущества.

Помимо толковых словарей русского литературного языка были также проанализированы словари специальных юридических и экономических терминов, поскольку контекст употребления слова «ипотека» предполагал экономико-юридическую тематику.

1. Согласно «Большому юридическому словарю» А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских, А. Я. Сухаревой «Ипотека – залог земельных участков, предприятий, зданий, сооружений, квартир и другой недвижимости» [Сухарев, Крутских 2003].

2. Согласно «Современному экономическому словарю» Б. А. Райзберга, Л. Ш. Лозовского, Е. Б. Стародубцевой «Ипотека – залог недвижимого имущества, главным образом земли и строений, с целью получения ипотечной ссуды. Ипотека представляет такой вид залога, при котором закладываемое имущество не передается в руки кредитора, а остается у должника. Под ипотекой понимают также закладную и долг по ипотечному кредиту» [Райзберг, Лозовский 1999].

Анализ дефиниций слова «ипотека» в словарях специальных терминов дает возможность дополнить приведенный выше перечень еще одним значением, а именно: «долг по ипотечному кредитованию».

Учитывая частоту употребления значений в словарях, можно расположить значения исследуемого слова от наиболее частого к наиболее редкому следующим образом:

1. Залог недвижимого имущества для получения ссуды.
2. Ссуда, выдаваемая под залог недвижимого имущества.
3. Документ, подтверждающий получение ссуды под залог недвижимого имущества.
4. Запрещение, которое налагается на недвижимое имущества при его залоге для получения ссуды.
5. Долг по ипотечному кредиту.
6. Система предоставления ссуд под залог недвижимого имущества.

После установления словарных значений слова «ипотека» был проведен компонентный анализ, результаты которого позволили сделать вывод, что ядерными семами лексемы «ипотека» являются «залог», «ссуда» и «недвижимое имущество». Каждому из этих слов также было дано словарное определение.

Залог – «отдача (имущества) в обеспечение обязательств» [Ожегов 2009: 506].

Ссуда – «средства, предоставляемые в кредит юридическому или физическому лицу» [Ожегов 2009: 1910].

Недвижимое имущество – «имущество, использование которого по назначению и без ущерба его характеристикам и ценностным свойствам исключает его перемещение: здания, сооружения, земельные участки и иное имущество, прикрепленное к земле и связанное с ней» [Финансовый словарь проекта «Финам», URL].

В результате обобщения результатов лексико-семантического и компонентного анализа слова «ипотека» были выделены следующие значения исследуемого слова:

1. Отдача для получения средств в кредит имущества, использование которого по назначению и без ущерба его характеристикам и ценностным свойствам исключает его перемещение.

2. Кредит, предоставляемый в результате отдачи имущества, использование которого по назначению и без ущерба его характеристикам и ценностным свойствам исключает его перемещение.

3. Документ, подтверждающий получение средств в кредит в результате отдачи имущества, использование которого по назначению и без ущерба его характеристикам и ценностным свойствам исключает его перемещение.

4. Запрещение, которое налагается на имущество, использование которого по назначению и без ущерба его характеристикам и ценностным свойствам исключает его перемещение, при его отдаче для получения средств в кредит.

5. Долг по ипотечному кредиту.

6. Система предоставления населению средств в кредит в результате отдачи имущества, использование которого по назначению и без ущерба его характеристикам и ценностным свойствам исключает его перемещение.

Проведенный анализ показал, что слово «ипотека» в современном русском языке имеет несколько разнородных значений, однако все они так или иначе связаны с отдачей недвижимого имущества в залог для получения денежных средств.

Для ответа на вопрос о том, подходит ли смысловое содержание слова «ипотека» под вид деятельности конкретного жилищного накопительного кооператива необходимо прежде всего определить все виды деятельности, которые может осуществлять данный жилищный накопительный кооператив. С этой целью были проанализированы предмет и задачи деятельности кооператива, указанные в уставе данного ЖНК, а также в тексте федерального закона о жилищных накопительных кооперативах.

При анализе документов учитывалось то, что ключевыми семантимами лексемы «ипотека» являются «залог», «ссуда» и «недвижимое имущество». Изучение предмета и задач ЖНК, приведенных в его уставе, позволило выделить следующие понятия, также содержащие эти семы:

- оказание финансовой помощи членам кооператива;
- предоставление займов членам кооператива;
- предоставление кредита.

Для установления связи данных понятий с понятием «ипотека» прежде всего необходимо определить значение каждого понятия.

Под финансовой помощью понимают заимствование на льготных условиях. Одним из видов финансовой помощи является заем. Таким образом, оказание финансовой помощи членам кооператива может быть определено как заимствование на льготных условиях, в том числе заем, кооператива членам данного кооператива.

Согласно «Современному экономическому словарю» Б. А. Райзберга, Л. Ш. Лозовского и Е. Б. Стародубцевой «заем – одна из форм кредита, оформляемых в виде договора, соглашения между двумя договаривающимися сторонами: займодавцем и заемщиком. Согласно такому договору заемщик получает от займодавца в собственность или в оперативное управление деньги

либо товары, а через определенный срок обязан вернуть равную сумму денег или товары эквивалентной значимости и ценности» [Райзберг, Лозовский 1999].

Заем может быть как беспроцентный, так и процентный. Таким образом, сочетание «предоставление займов членам кооператива» имеет значение «предоставление кредита, оформляемого в виде договора, соглашения между договаривающимися сторонами. Причем в качестве заимодавца выступает кооператив, а в качестве заемщика – член этого кооператива. Согласно такому договору, член кооператива получает от кооператива в собственность или в оперативное управление деньги, а через определенный срок обязан вернуть равную сумму денег с процентами или без них в зависимости от условий договора».

Согласно «Современному экономическому словарю» Б. А. Райзберга, Л. Ш. Лозовского и Е. Б. Стародубцевой «кредит – заем в денежной или товарной форме, предоставляемый кредитором заемщику на условиях возвратности, чаще всего с выплатой заемщиком процента за пользование займом». Значение сочетания «предоставление кредита» – «предоставление кооперативом займа в денежной или товарной форме на условиях возвратности с выплатой заемщиком процента за пользование займом» [Райзберг, Лозовский 1999].

Анализ приведенных словарных дефиниций позволил заключить, что понятия «финансовая помощь», «заем» и «кредит» связаны отношениями гипонимии: заем – это один из видов финансовой помощи, а кредит – один из видов займа.

После этого было проведено сопоставление словарных дефиниций понятий «финансовая помощь», «кредит» и «заем» со значениями слова «ипотека». Одно из значений слова ипотека – «кредит, предоставляемый в результате отдачи имущества, использование которого по назначению и без ущерба его характеристикам и ценностным свойствам исключает его перемещение». Это значение демонстрирует гипонимическую связь слова «ипотека» со словом «кредит», то есть ипотека может рассматриваться как вид

кредита. Учитывая эту связь, можно заключить, что каждое из понятий «оказание финансовой помощи», «предоставление займов» и «предоставление кредита» может включать в себя ипотеку как конечный компонент гипонимической цепочки.

Анализ текста типового договора не привел к значимым результатам, тогда как в тексте «Закона о жилищных накопительных кооперативах» была обнаружена информация, также связанная отношениями гипо-гиперонимии с понятием «ипотека». Ч. 2 ст. 16 «Закона о жилищных накопительных кооперативах» содержит информацию о том, что кооператив может оказывать своим членам «юридическую, консультационную и иную помощь».

Согласно «Толковому словарю» С. И. Ожегова «иной – другой, отличный от этого» [Ожегов 2009: 604]. Таким образом, под «иной помощью» в тексте закона может подразумеваться любая разрешенная законом помощь, кроме юридической и консультационной, в том числе помощь финансовая. Словосочетание «иная помощь» в данном контексте является гиперонимом по отношению к словосочетанию «финансовая помощь».

Таким образом, ряд понятий «иная помощь», «финансовая помощь», «предоставление займов», «предоставление кредита», «ипотека» представляют собой гипонимическую цепочку. Поскольку слово «ипотека» является конечным компонентом данной цепочки, каждое из предыдущих понятий может включать в свое значение данное слово. Это позволяет дать следующий ответ на вопрос об отнесенности понятия «ипотека» к видам деятельности ЖНК: понятие «ипотека» в значении «кредит, предоставляемый в результате отдачи имущества, использование которого по назначению и без ущерба его характеристикам и ценностным свойствам исключает его перемещение» подходит под такие виды деятельности указанного кооператива, как «оказание финансовой помощи членам кооператива», «предоставление займов членам кооператива» и «предоставление кредита».

Проведенный анализ показывает, что одним из способов определения вхождения одного понятия в группу других является установление его места в

гипонимической цепочке, образуемой этими понятиями. Алгоритм такого исследования выглядит следующим образом. Прежде всего устанавливается круг значений исходного понятия, затем четко определяется состав группы, вхождение или невхождение в которую требуется установить, после этого для каждого члена группы также приводятся значения. Анализ значения членов группы позволяет установить наличие связей между ними (синонимических, гипонимических или гиперонимических), после чего строится цепочка связей и определяется место исходного понятия в этой цепочке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000.
2. *Борисов А. Б.* Большой экономический словарь. М., 2009.
3. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М., 2009.
4. *Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. М., 1999. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/
5. Современный толковый словарь русского языка в 3-х тт. Под ред. Т. Ф. Ефремовой. М., 2006.
6. *Сухарев А. Я., Крутских В. Е., Сухарева А. Я.* Большой юридический словарь. М., 2003.
7. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2008.
8. Финансовый словарь проекта «Финам». URL: <http://www.finam.ru/Dictionary>

REFERENCES

1. Concise Thesaurus of the Russian Language. Edited by S. A. Kuznecov [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Pod red. S. A. Kuznecova, -]. St. Petersburg, 2000.
2. Borisov A. B. Concise Encyclopedic Dictionary [Bol'shoj ehkonomicheskij slovar']. M., 2009.
3. Ozhegov S. I. Thesaurus of the Russian Language [Tolkovyj slovar' russkogo yazyka]. M., 2009.
4. Rajzberg B. A., Lozovskij L. Sh., Starodubceva E. B. Modern Dictionary of Economics [Sovremennyj ehkonomicheskij slovar']. M., 1999. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/

5. Modern Thesaurus of the Russian Language in 3 volumes. Edited by T. F. Efremova [Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka v 3 tomah. Pod red. T. F. Efremovoj]. Moscow, 2006.

6. Suharev A. Y., Krutskih V. E., Suhareva A. Y. Concise Dictionary of Law [Bol'shoj juridicheskij slovar']. M., 2003.

7. Ushakov D. N. Concise Thesaurus of the Modern Russian Language [Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka]. M., 2008.

8. Finance Dictionary of «Finam» Project [Finansovyj slovar' proekta «Finam»]. URL: <http://www.finam.ru/Dictionary>

УДК 659, 81'373.45, ББК Ш 100.3, ГРНТИ 16.31.61, КОД ВАК 10.02.19

Ю. В. Донскова

Москва, Россия

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА РАЗЛИЧИТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ
КОММЕРЧЕСКОГО НАИМЕНОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ
«УМНЫЙ КРЕМ»)**

Статья посвящена практическим вопросам применения специальных познаний в области лингвистики с целью анализа товарного наименования. В частности, показано, как применение различных видов лингвистического анализа может быть использовано в спорах относительно определения различительной способности наименования, а лингвистическая экспертиза может быть одним из инструментов доказывания. Обусловлено это тем, что проблема установления наличия/отсутствия различительной способности части товарных наименований имеет внеюрисдикционную природу: она связана с вопросами межъязыкового взаимодействия (калькирование; влияние иностранного языка на дискурсивную практику), а также процессами терминологизации и перехода имен собственных в нарицательные. На примере словосочетания «умный крем», которое широко используется в современном косметическом дискурсе, продемонстрирована методика анализа наименований, которые состоят из нескольких элементов, один из которых стал общеупотребительной характеристикой определенного класса продуктов.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, лингвистическая экспертиза, товарный знак, дискурс.

Сведения об авторе: Юлия Викторовна Донскова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории литературы Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 141254, Московская область, Пушкино, м-н Заветы Ильича, ул. Железнодорожная 2- 41. E-mail: mehetabel@mail.ru

Y. V. Donskova

Moscow, Russia

**LINGUISTIC EXPERTISE IN ASCERTAINING THE DISTINCTIVENESS OF A
TRADE NAME («SMART CREAM» CASE STUDY)**

The article discusses practical aspects of using special linguistic knowledge to analyse trade names. In particular, it shows how various kinds of linguistic knowledge can be employed in debates on ascertaining the distinctiveness of a trade name, with linguistic expertise being a tool of proof, which is due to the extralegal nature of the problem of ascertaining the presence/absence of

the distinctiveness of some trade names. The problem is linked to the matters of cross-language interaction (calquing; impact of a foreign language on discursive practice et cetera), as well as to the processes of terminologisation and eponymisation. The case study of the «smart cream» collocation, which is widely used in the modern cosmetics discourse, shows the analysis procedure for names consisting of several elements, one of which has become a vernacular reference to a certain class of products.

Key words: intellectual property, linguistic expertise, trademark, discourse.

About the author: Yulia Viktorovna Donskova, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of History and Theory of the Literature, St. Tikhon's Orthodox University. 141254, Moscow region, Pushkino, Zavety Iliche district, ul. Zheleznodorozhnaya 2-41. E-mail: mehetabel@mail.ru

Законодательство РФ (п. 1 ст. 1483 ГК РФ) запрещает государственную регистрацию в качестве товарных знаков обозначений, не обладающих различительной способностью или состоящих только из элементов, указанных в том же пункте статьи. Вопрос относительно определения различительной способности при регистрации товарного знака особенно остро возникает в том случае, если наименование многокомпонентно и один из элементов (или все) в его составе уже зарегистрирован, но в то же время стал общеупотребительной характеристикой или неотъемлемой частью наименования какого-либо класса продуктов. В качестве примера приведем продолжавшийся довольно долго и в разных инстанциях спор касательно регистрации обозначения «Black Russian» («Черный русский») в отношении алкогольных коктейлей.

Одним из моментов разногласий между Судом по интеллектуальным правам (СИП) и Роспатентом в указанном случае был способ доказывания. В частности, СИПом отмечалось, что «использование спорного обозначения в справочниках недостаточно даже для подтверждения того, что обозначение вошло во всеобщее употребление для обозначения товаров определенного вида» [Джермакян, Радченко 2016: 106]. Хотя такой способ в некоторых случаях допускается, о чем свидетельствует формулировка п. 4.1 Методических рекомендаций, утвержденных приказом Роспатента от 27 марта 1997 года № 26. Данный пункт гласит, что «основными элементами справочного фонда для

установления факта перехода обозначения в категорию вошедших во всеобщее употребление как обозначение товаров определенного вида являются толковые словари (общеязыковые, политехнические и т.д.), энциклопедии и энциклопедические словари, специальные справочники, а также периодические издания» [Методические рекомендации]. При этом в п. 4.1.3 по поводу последнего источника говорится, что «использование в периодических изданиях обозначения в качестве видового понятия товара также не является бесспорным фактом его перехода в категорию вошедших во всеобщее употребление как обозначение товаров определенного вида» [Методические рекомендации, URL]. Роспатент же аргументировал свою позицию в том числе и наличием наименования «Black Russian» в общедоступных источниках информации [Джермакян, Радченко 2016: 106]. Однако отметим, что проблема установления наличия/отсутствия различительной способности указанного выше наименования и ему подобных зачастую связана с динамическими процессами в лексике (межъязыковое взаимодействие, терминологизация наименования, переход имен собственных в нарицательные и т.п.), а традиционно применяемая в таких случаях экспертиза, выполняемая специалистом-патентоведом, не способна в полной мере на них указать. Очевидно, что в спорных случаях доказывание требует применения специальных познаний, в частности, в области филологических дисциплин, что допускается законом (например, ст. 79 ГПК, ст. 82 АПК). В связи с перечисленными факторами рассмотрим методологические аспекты исследования по данному вопросу на примере словосочетания «умный крем», которое широко используется в современном рекламном и журнальном косметическом дискурсе (российском и зарубежном), а также и собственно в наименовании товаров.

Для определения впоследствии различительной способности наименования (установление данного факта является прерогативой судебных органов, в компетенцию лингвиста не входит) в процессе исследования специалист должен решить задачу, связанную с «установлением

наличия / отсутствия у товарного знака индивидуализирующей функции, его способности указывать на единичный объект» [Бринев 2016: 83]. С этой целью необходимо провести анализ наименования на предмет узуальности / окказиональности в языковой системе, описать его семантические и функциональные свойства. Рассмотрим, какие задачи должны быть реализованы на каждом этапе исследования.

На первом этапе наименование «умный крем» проанализируем в системе иностранных языков. Связано это с тем, что данное словосочетание сравнительно новое для русского косметического дискурса и пришло из европейских языков (английского – «smart cream»; французского – «smart crème»). Сначала произведем анализ представления указанных словосочетаний в лексикографических источниках. Так, словарь Oxford Dictionary, равно как и Larousse, не зафиксировал пока еще словосочетание «smart cream» и «smart crème» соответственно в качестве иллюстративного материала какой-либо статьи. Однако в английском языке слово «smart» широко используется как определение в отношении неодушевленных предметов:

а) «smart bomb» («оружие, управляемое электронным устройством и предназначенное для того, чтобы вызвать повреждение цели, избегая при этом ущерба людям, зданиям, которые находятся в зоне воздействия оружия»¹);

б) «smart card» («маленькая пластиковая карта, на которой информация содержится в электронной форме»²);

в) «smart money» («деньги, которые инвестируются, или люди, которые имеют экспертные знания в финансовой области»³).

Указанные выражения традиционно переводят на русский язык как «умная бомба», «умная карта», «умные деньги» соответственно. В лексическом значении данных наименований выделяется следующий общий семантический компонент, привносимый прилагательным «smart»: 'свойство компактно и точно влиять на цель, на область воздействия'.

1 <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/smart-bomb>

2 <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/smart-card>

3 <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/the-smart-money>

На втором этапе рассмотрим функционирование выражения «smart cream» относительно косметических и лечебных продуктов в иностранных языках. Поиск в сети Интернет позволил обнаружить следующие примеры (приведем некоторые из них): *Smart Crème Réparatrice Action Sur Mesure* («умный восстанавливающий крем индивидуального воздействия»)¹; *Smart Cover Concealing Crème* («умное покрытие крем-консилер»)²; *Deo Creme Epil Smart* («умный дезодорирующий крем для тела»)³; *Multi action smart cream-gel* («многоцелевой умный крем-гель»)⁴; *The smart cream moisturizer* («умный крем-увлажнитель»)⁵. Как видно из указанных наименований, используемых косметическими брендами Clinique (США), La Prairie (Швейцария), Guinot (Франция), прилагательное «smart» («умный») чаще всего находится в препозиции слову «cream» (англ.) или «crème» (франц.), в некоторых случаях в постпозиции, но во всех случаях в неосновной части названия продуктов для характеристики предмета («крем»), указывая на его свойства.

В английском языке прилагательное «smart» используется также в наименовании и описании других косметических продуктов, не только кремов: «*smart lipstick*» («умная помада»)⁶; «*smart lip pencil*» («умный карандаш для губ»)⁷; «*smart roller*» («умный роллер»)⁸; «*smart treatment oil*» («умное лечебное масло»)⁹. Также лексема «smart» употребляется в качестве характеристики свойства продукта в составе коммерческого наименования: «*Erborian. Smart moisture*» («Эрбориан. Умное увлажнение»)¹⁰. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что слово «smart» («умный») используется в названии для характеристики свойств косметических препаратов и является либо

1 <http://www.fr.clinique.com/product/1687/37483/soins/soins-hydratants/clinique-smarttm-spf-15-creme-reparatrice-action-sur-mesure>

2 www.smartcover.com/concealing-creme.html

3 <https://ru.strawberrynet.com/skincare/guinot/deo-creme-epil-smart-deodorant/139126/#DETAIL>

4 <http://www.camomillebeautytime.ru/2014/09/263-drww-multi-action-smart-cream-gel.html>

5 <http://time4beauty.biz/4232-la-prairie-cellular-moisturizer-spf-15-the-smart-cream/>

6 www.kikocosmetics.com/en-gb/make-up/lips/lipsticks/Smart-Lipstick/p-KM002010129

7 www.kikocosmetics.com/en-gb/make-up/lips/lip-pencils/Smart-Lip-Pencil/p-KM00203007

8 <http://www.sephora.fr/Maquillage/Ongles/Vernis-a-Effets-Nail-Art/Smart-Roller-Distributeur-malin-de-pochoirs-Nail-Art/P1862002>

9 www.sephora.fr/Soin-Visage/Anti-rides-Anti-age/Soin-de-jour/Clinique-Smart-Treatment-Oil-Huile-de-soin-reparatrice/P2278005

10 <http://iledebeaute.ru/novinki/2013/12/11/39843/>

определителем, выражающим отличительный признак видового понятия («крем», «помада», «карандаш для губ», «масло»), либо определителем, конкретизирующим свойство («увлажнение»).

На третьем этапе словосочетание «умный крем» и его компоненты проанализируем в системе русского языка. Это связано с тем фактом, что словосочетание «smart cream» переведено на русский язык посредством семантической кальки с помощью самостоятельных слов «умный» и «крем». С целью решения ключевого вопроса исследуем лексическое значение каждого из слов, входящих в словосочетание. Для этого используем различные лексикографические источники¹, а также Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Материал словарных статей показал, что словосочетание «умный крем» не служит иллюстративным материалом для толкований значений слова «умный». Однако отсутствие данной леммы в таком контексте вполне соответствует традиции словарей русского языка, которые имеют долженствующе-предписующий, нормативный характер. В НКРЯ словосочетание «умный крем» на момент написания статьи также не зафиксировано. В то же время отметим, что НКРЯ фиксирует такие словосочетания со словом «умный», как «умный дом», «умные часы». Данные выражения являются калькой с английского: «smart house» и «smart watch» соответственно.

Анализ первого компонента («крем») показывает, что слово является общеупотребительным в русском языке, относится к категории интернациональных (произошло от французского «crème») и многозначных слов. Соотнесение наименования «умный крем» с продуктом, которое оно призвано обозначить, позволяет определить лексическое значение («консистенция, в которой выпускается средство») и семантическую группу («косметическое / лекарственное средство»).

Рассмотрение значения слова «умный», представленного в лексикографических источниках русского языка, показывает, что в

¹ Поиск осуществлялся по словарям, имеющимся в базе сайта www.slovari.ru

современном русском языке первое значение слова «умный» относится к животным / человеку и актуализирует семантический компонент 'основанный на разумных, рациональных свойствах, которые должны привести к положительным результатам'. В анализируемом же нами словосочетании слово «умный» относится к неодушевленному предмету.

На четвертом этапе необходимо рассмотреть использование слова «умный» в косметическом дискурсе. Для этого был осуществлен поиск в русскоязычном сегменте Интернета, а также в женских глянцевых журналах. Приведем некоторые примеры:

1. «Умное увлажнение»: *«Умное» увлажнение – залог молодой кожи!»¹; «Что обещает производитель: «умное увлажнение», в течение 24 часов активные ингредиенты стимулируют аквапорины кожи, которые распределяют воду в эпидермисе»².*

2. «Умная формула»: *«Особенность данного крема заключается в его «умной формуле» которая способна обеспечивать эффект похудения проблемных зон, но также подходит для нанесения на все тело»³; «Умная формула измеряет уровень себума в коже и контролирует его излишек, не забивая поры. 90% женщин (результаты самостоятельной оценки и клинические исследования), отметили, что кожа оставалась матовой без жирного блеска на протяжении 24 часов»⁴.*

3. «Умный состав»: *«У них «умный состав», легкие текстуры, концепция профилактики старения, демократичные цены»⁵.*

4. «Умная маска»: *«Умные» косметические маски для увлажнения, очищения и омоложения»⁶.*

1 <https://www.farmed.ru/article/888>

2 <http://irecommend.ru/content/otlichnyi-uvlazhnyayushchii-krem-13>

3 www.letu.ua/uhod-za-kozhei/uhod-za-telom/sredstva-dlya-zagara/collistar-sredstvo-dlya-modelirovaniya-i-zagara-smart-slimming/35700086

4 www.letu.ua/makiyazh/dlya-litsa/osnova-dlya-makiyazha/elizabeth-arden-tonalnaya-osnova-perfectly-satin/35700119

5 Elle.Russia. Декабрь 2016. с. 324.

6 https://www.glamour.ru/beauty_health/sredstva/kosmeticheskie-maski-dlya-uvlazhneniya-ochisheniya-i-omolozheniya

Словосочетание «умный крем» используется также и в описании косметических изделий в текстах женских журналов. Приведем контексты высказываний:

1. *«Результатом многолетних исследований ученых Chanel явился «умный крем» Le Lift с компонентами, которые буквально включают механизмы омоложения кожи»¹.*

2. *«Умный крем связывает кожу и влагу в единую систему, благодаря ему технологический процесс на фабрике увлажнения замыкается, и ваша кожа получает то, что нужно именно вам – точную дозу влаги, которая удерживается в коже 24 часа»².*

3. *«Тональный крем от Clinique разработан специально для комбинированной кожи, в нем содержится протеин и биопол, который впитывает жир только там, где надо. Словом, это «умный» крем!»³*

Как показывают приведенные примеры, слово «умный» имеет свободную сочетаемость с лексемами косметического дискурса и в русском языке. Обращает на себя внимание неустойчивость пунктуационного оформления анализируемого словосочетания в части использования кавычек, комбинаторика которых может быть разной (выделение только слова «умный» или всего словосочетания). Причина нам видится в том, что пишущий считает, что «употребляет существующее слово или выражение в неконвенциональном значении» [Зализняк 2007]. В то же время контекст употребления слов «умный» и «smart», а также функционирование данных слов в косметическом дискурсе позволяют установить идентичность смысловых компонентов в русском и английском языках: «способ воздействия на кожу человека путем доставки необходимых веществ к проблемным зонам».

Словосочетание «умный крем» / «smart cream» встречается в наименованиях, описаниях косметических продуктов различных марок, а также активно используется в рекламе и периодической печати (русской и

1 www.elle.ru/krasota/beauty_blog/vremya-vsipyat-antivozrastnyie-sredstva-dlya-koji-litsa

2 http://www.glamour.ru/beauty_health/beauty_news/580173_580173_Uvlazhneniekozhiprostooslozhdnom

3 <https://www.cosmo.ru/beauty/face/eto-polezno-10-tonalnyh-kremov-kotorye-uhazhivayut-za-kozhey/>

зарубежной) с целью характеристики свойства предмета. Словосочетание «умный крем» является общеупотребительным для обозначения товаров с определенными свойствами и системой воздействия, но не выделяет определенную марку товара, конкретного производителя. Таким образом, наименование «умный крем» не является оригинальным, уникальным, неповторимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бринева К. И.* Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М., 2016.
2. *Джермакян В. Ю., Радченко Н. А.* О видовых наименованиях товаров, включающих придуманное название. Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2016. № 14. С. 105–112.
3. *Зализняк А. А.* Семантика кавычек. Труды Международного семинара «Диалог 2007» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2007. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm#1
4. Методические рекомендации по вопросам отнесения заявленных обозначений, товарных знаков и знаков обслуживания к категории вошедших во всеобщее употребление как обозначения товаров и услуг определенного вида, утвержденных приказом Роспатента от 27 марта 1997 г., № 26. URL: <http://palatapp.ru/teoriya-i-praktika/metodicheskie-rekomendaczii/rekomendaczii-po-otdelnyim-voprosam-ekspertizyi-zayavlenyix-oboznachenij.html>
5. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/corpora-intro.html>
6. Словари.ру. URL: <http://slovari.ru>
7. Dictionnaire Larousse. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>
8. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <http://oxfordlearnersdictionaries.com>.

REFERENCES

1. Brinev K. I. Reference in Forensic Linguistics Expertise. [Spravochnik po sudebnoy lingvisticheskoy expertise]. Moscow, 2016.
2. Dzhermakian V. Y., Radchenko N. A. On the Specific Names of Products Including the Coined Names. [O vidovyh naimenovaniyah tovarov, vkluchajuschih pridumannoe nazvanije]. Journal of the court on intellectual rights. December 2016. Vol. 14. P. 105–112.
3. Zalizniak A. A. Semantics of Quotation Marks [Semantika kavychek]. Proceedings of the International Dialogue 2007 Seminar on Computer Linguistics and its Applications. Moscow, 2007.

URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm#1

4. Guidelines on Referring Applied Item Names, Trademarks and Service Marks to the Categories which Have Come into General Use as Names for Goods and Services of a Certain Type as Approved by the Order of Rospatent from 27 March 1997, № 26 [Metodicheskiye rekomendaczii po voprosam otnesenija zayavlennyh oboznachenij, tovarnyh znakov I znakov obsluzhivaniya k kategorii voshedshih vo vseobschee upotreblenije kak oboznachenija tovarov i uslug opredelennogo vida utverzhdenykh prikazom Rospatenta ot 27 marta 1997 goda]. URL: <http://palatapp.ru/teoriya-i-praktika/metodicheskie-rekomendaczii/rekomendaczii-po-otdelnyim-voprosam-ekspertizy-zayavlennyix-oboznachenij.html>

5. Russian National Corpus [Nazional'nyi korpus russkogo yazyka]. URL: <http://ruscorpora.ru/corpora-intro.html>

6. Slovari.ru. URL: <http://slovari.ru>

7. Dictionnaire Larousse. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>

8. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <http://oxfordlearnersdictionaries.com>

УДК 81.11 , ББК 81.1, ГРНТИ 16.21.33 , КОД ВАК 10.02.19

Г. С. Иваненко

Челябинск, Россия

ЛЮДИ НАШЕГО ЦАРЯ (К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ)

Статья посвящена вопросам семантического анализа в рамках лингвистической экспертизы. Предлагается методика интерпретативного анализа семантико-грамматических конструкций. Под последними понимаются языковые единицы, которые 1) существуют как грамматический конструкт с определенными морфологическими характеристиками компонентов, связанных определенной синтаксической связью, 2) имеют определенные параметры лексического наполнения конструкции: обобщенная семантика модели конкретизируется при лексической реализации, и наблюдается типологизация семантических реализаций.

На примере анализа конкретной лексико-грамматической конструкции «люди кого-либо» (люди Петрова), ставшей предметом правового и лингвоэкспертного спора, показана позиция по конкретному вопросу и представление о методике семантического анализа языковой единицы рассматриваемого типа в ходе осуществления лингвистического исследования в экспертных целях.

Выделено пять этапов семантического анализа семантико-грамматической конструкции:

- анализ обобщенной грамматической модели (в рассматриваемом случае это существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже),
- анализ конкретизированной семантико-грамматической модели, в которой одна синтаксическая позиция наполняется лексическим содержанием: люди кого-чего,
- анализ модели, реализованной полным лексическим составом, с учетом конкретных признаков второго слова (люди кого – второе существительное одушевленное),
- интерпретация лексикализованной модели в контексте, с учетом его стилистики и выражаемого текстом смысла,
- анализ конструкции в конкретном наполнении с учетом ситуативного контекста и дискурса.

Комплекс обозначенных действий и образует предлагаемую методику семантического анализа рассмотренного типа языковых единиц – семантико-грамматических конструкций. Для их осмысления, гораздо более неоднозначного, чем интерпретация слова, следует поочередно рассматривать каждый шаг наполнения модели лексическим содержанием и – самое главное – не опускать этап рассмотрения возможных вариантов интерпретации в зависимости от различных признаков каждого компонента (конкретность / отвлеченность, собственность / нарицательность, одушевленность / неодушевленность), а также от стиля, общего смысла микро- и макроконтраста, дискурса.

Ключевые слова: семантико-грамматическая конструкция, методика семантического анализа, интерпретация, лингвистическая экспертиза.

Сведения об авторе: Галина Сергеевна Иваненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 454080, Челябинск, пр-т Ленина, 69. E-mail: gala.april@mail.ru

G. S. Ivanenko

Chelyabinsk, Russia

PEOPLE OF OUR CZAR (TO THE METHOD OF ANALYSIS OF THE SEMANTIC AND GRAMMATICAL STRUCTURE IN LINGUISTIC EXPERTISE)

The article is devoted to semantic analysis within the framework of linguistic expertise. There has been developed an approach of interpretative analysis of the semantic and grammatical structures. The latter refers to linguistic units that either 1) exist as a grammatical construction with definite morphological characteristics of the components linked by particular syntactic relation, 2) have certain vocabulary scope of structures: generalized semantics of the model is detailed through a particular lexical implementation, and semantic implementations can be classified.

For example, the analysis of specific lexico-grammatical construction «people of somebody» (people of Petrov), which has become the subject of legal and forensic dispute, shows the position on this particular issue and gives grounds to the employment of the approach of semantic analysis of linguistic units in linguistic research for expert purposes.

Five stages of semantic analysis of a lexico-grammatical construction have been singled out:

- grammatical analysis of the generalized model (in this case it is a noun in the nominative case + noun in genitive),*
- analysis of a specified semantic-grammatical model, in which one syntactic position has a lexical meaning: the people of somebody,*
- analysis of the whole lexical structure of the model, taking into account the specific characteristics of the second word (whose people, where the second noun denotes an animate object),*
- interpretation of lexicalized model in the context of with its style, and the text meaning,*
- analysis of a structure with specific lexical content in the situational context and discourse.*

The mentioned stages form the approach to the semantic analysis of linguistic units of the type discussed above - the semantic and grammatical constructions. To understand these structures is more than just to interpret words, you should take each stage of filling the model with lexical content, and – most importantly – not to skip the stage of possible interpretations depending on the different characteristics of each component (concrete/ abstract, proper/ common, animate / inanimate), and also the style, the general meaning of micro - and macro-context and discourse.

Key words: semantic-grammatical construction, method of semantic analysis, interpretation, linguistic expertise.

About the author: Galina Sergeevna Ivanenko, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching Russian Language, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University. 454080, Chelyabinsk, Lenin Ave, 69. E-mail: gala.april@mail.ru

Несмотря на то, что ведущим направлением юридической лингвистики на настоящий момент является выработка методик анализа **текстов** применительно к целям решения конкретных экспертных задач в соответствии с типом правовой проблемы, по-прежнему актуальны общие для различных разделов лингвистики вопросы семантики: семантическая типология языковых единиц [Арутюнова 1980], исследование процессов кодировки и декодировки [Кацнельсон 1984], обусловленность реализации значений грамматической и лексической сочетаемостью единиц [Кобозева 2009]. И актуальность таких семантических исследований для лингвоэкспертологии вряд ли может ослабнуть, поскольку, во-первых, семантические свойства языковых единиц динамичны, во-вторых, они контекстуально и ситуативно обусловлены, в-третьих, **эти свойства** интерпретативно вариативны. Данные словарей, на которые часто уповают неопытные эксперты, не заменяют анализа, а лишь служат ему материалом. Поэтому сокращенный путь экспертных рассуждений по принципу *языковая единица – смысловая интерпретация* с опущением этапа пошагового разворачивания представляется неубедительным в экспертной практике, где интерпретации сторон не совпадают [Иваненко 2013]. Покажем на конкретном примере методику рассмотрения семантико-грамматической конструкции, ставшей предметом конфликта интерпретаций.

Конструкцию называем **семантико-грамматической** потому, что она 1) существует как грамматический конструкт с определенными морфологическими характеристиками компонентов, связанных определенной синтаксической связью, 2) существенно лексическое наполнение конструкции: обобщенная семантика модели конкретизируется при лексической реализации, и наблюдается типологизация семантических реализаций. Это не фразеологизмы, так как элементы конструкции сохраняют свою самостоятельность и не являются постоянными, во всяком случае два компонента или более не воспроизводятся и не воспринимаются как единое целое, как то происходит применительно к фразеологическим единицам [Гашева 2002], но в то же время именно в определенной их сочетаемости фиксируются самостоятельные значения. Статус этих языковых конструктов пока не вполне определен. Возможно, именно в связи с этим обстоятельством они выборочно фиксируются толковыми словарями в статьях, посвященных грамматически или синтаксически главному слову. В научной литературе преобладает информация о таких конструкциях, называемых лексико-грамматическими, преимущественно в аспекте формирования речевых навыков у детей и иностранцев.

В одном из судебных разбирательств в центре дискуссии сторон стало значение (или смысл?) конструкции «люди Петрова». В практическом плане требовал разрешения вопрос: в каких отношениях находятся люди и Петров? По контексту статьи люди Петрова поступали не очень хорошо. Петров утверждал, что эти люди к нему не имеют никакого отношения, они не «его люди», и ему все равно, что они сделали, мол, только не называйте их «моими людьми». Распространители настаивали на том, что они ничего плохого про Петрова и не сказали, поскольку люди Петрова – это не сам Петров, о котором, собственно, никто ничего и не говорил. Подходы противостоящих сторон к интерпретации языковой единицы «люди Петрова» не совпали.

Первый шаг при анализе семантико-грамматической конструкции – анализ самой модели без лексического наполнения. Языковая конструкция

люди кого-либо построена по модели словосочетания с подчинительной связью управление. По формальным признакам аналогична структура таких, например, словосочетаний: *билет пассажира, тетрадь ученика, дочь директора, жена министра, место депутата, долги предприятия*.

В словосочетаниях к зависимому слову задается два вопроса: один – формально-грамматический, падежный, второй функциональный – как к члену предложения, определяющий смысловые отношения между словами.

Грамматический вопрос (*кого?чего?*) указывает на форму родительного падежа зависимого слова.

Функциональный вопрос: *чей? чья? чье? чьи?* (в зависимости от грамматических факторов) обуславливает определительную функцию существительного в родительном падеже.

Даже при абстрагировании от лексического наполнения сама синтаксическая модель: *существительное в именительном падеже (X) + существительное в родительном падеже (Y)* – создает отношения принадлежности, отнесенности содержания первого слова в словосочетании к содержанию второго: *пение (чье?) птиц, чашка (чья?) мамы, идеи (чьи?) символистов, жизнь (чья?) человека, роман (чей?) Пушкина*.

Во всех приведенных словосочетаниях, построенных по рассматриваемой модели, слово X в форме именительного падежа обозначает нечто такое, что напрямую соотносится с субъектом, названным существительным в форме родительного падежа Y:

X (сущ. в им. п.) **принадлежит** Y (сущ. в род. п.).

Семантика принадлежности проявляется в различных семантических вариантах непосредственного владения (*часы Сергеева, имение Левина*), производимого действия (*прыжок Исинбаевой*), результата этого действия (*картина Моне, доклад Дорониной*).

Второй этап анализа: конкретизируем модель, наполнив лексическим содержанием первый компонент – существительное в именительном падеже: «люди + существительное в родительном падеже».

Применительно к современному языку найдено лексикографическое определение значения этой конструкции только при выражении второго компонента существительным неодушевленным, то есть «люди чего»:

Лица, принадлежащие к какой-либо общественной среде, группе; лица, объединяемые какими-либо общими признаками. Люди чего. *Люди науки, а Каждый член общества призван делать свойственное ему дело. И люди мысли исполняют свое дело, выражая общественное мнение.* Л. Толст. Анна Карен. – *Я сам хотел бы причислить себя к людям искусства, служить искусству, потому что хотел бы воздействовать на людей.* Федин. Необыкн. лето [БАС т. 6: 442].

Конфликт интерпретаций вызвала модель с компонентом-существительным в родительном падеже, выражающим семантико-грамматическую категорию одушевленности, то есть «люди кого». Очевидно, что дифференциация одушевленность / неодушевленность компонента У значима в настоящем случае.

Синтаксическая модель *люди кого-либо* использовалась и в XVI–XIX веках, обозначая непосредственную принадлежность людей их юридическому и фактическому хозяину: В рамках указанного значения *люди*, например, *Дубровского* – это его крепостные. На базе указанного значения развился метонимический перенос: рабы / крепостные в то же время являлись слугами, подчиненными. Модель *люди кого-либо* стала использоваться для обозначения зависимости социального / политического / военного характера (*люди Ивана Грозного, люди Курбского, люди Марины Мнишек*). Описанное значение так представлено в Большом академическом словаре:

«4. В буржуазно-дворянском быту – лица, находящиеся в подчинении у кого-либо; слуги. – *Моих людей не будет в доме: я им всем раздала билеты, также и людям княгини.* Лерм. Кн. Мери. *Еще не доезжая деревни, князь и люди его услышали веселые песни.* А. К. Толст. Кн. Серебряный. *Пошли мы, и господа, и люди, все вместе, – тут не было разбора.* Герцен. Былое и думы» [БАС т. 6: 443].

Выражение *люди кого-либо* утратило актуальность в советский период по социально-политическим причинам. С момента создания словаря язык существенно изменился, но в других словарях, приближенных к нам по времени, значение конструкции не представлено.

В 90-е годы XX века конструкция получила новую жизнь с распространением в криминальной среде (*Люди Красилова требуют за крышевание*), потом перешла в обыденную речь, а затем в публицистику и литературу.

Словосочетание модели *люди кого-либо* активно употребляется и в современном русском языке. Слово в родительном падеже называет лицо, обладающее какими-либо полномочиями / возможностями: управленческими, материальными, административными, любыми иными. *Кто-либо* в данной модели – человек, управляющий другими людьми на каком-либо основании: как официальный начальник, как покупатель услуг, как манипулятор, опирающийся на физический, психологический, политический или иной ресурс.

Третий этап анализа – лексикализация второго компонента словосочетания. Зададимся вопросом: а любое ли существительное, обозначающее лицо, может стоять в рассматриваемой модели на позиции Y? Очевидно, что абсурдны будут сочетания: *люди ученика, люди продавца, люди младенца, люди пенсионера, люди пчеловода*. Оказионально, конечно, все возможно, но в узусе такой сочетаемости нет. То есть на позиции X в норме не находятся существительные со значением лица, обозначенного по профессиональному, возрастному, национальному признаку. Может быть, модель реализуется при условии, когда Y – существительное собственное? Казалось бы, да: *люди Трампа, люди Обамы* – речь идет о сторонниках, сподвижниках, возможно, об охране, об обслуживающем персонале. Варианты трактовки есть, но все они объединены семьей лидерства Y. При этом Y может выражаться и неодушевленным существительным: *люди директора, люди криминального авторитета, люди президента*. Модель начинает работать тогда,

когда *У* – обозначение властного лица. Обратим внимание, как грамматика и семантика взаимодействуют, не дублируя друг друга, а образуя плоскость пересечения, исключительно в пределах которой и находится реализация модели.

Таким образом, формулировка *люди кого-либо* имеет в русском языке значение «люди, которые подчинены кому-либо, связаны с ним иерархическими подчиненными отношениями».

По законам синтаксической модели, словосочетание выражает значение: речь идет о людях, принадлежащих в каком-либо смысле тому, кто назван существительным в родительном падеже. Это могут быть отношения служебного подчинения, материальной зависимости. В любом случае языковая модель указывает на отношения: 1) взаимодействия, 2) совместной деятельности, 3) иерархические.

Исходя из описанного значения конструкции *люди кого-либо*, в контексте сообщения о предосудительных действиях *людей Петрова* у читателя есть все основания считать, что Петров является организатором / вдохновителем этих действий. Конкретизировать характер причастности крайне трудно: сочетаемость не дает оснований для однозначной интерпретации. Очевиден лишь сам факт причастности. Например: *Люди Сталина разобрались с Троцким* – нет оснований утверждать, что в высказывании сообщается о приказе Сталина убить Троцкого, но сама модель «люди Сталина» предполагает действие для Сталина / в его интересах / с его ведома. Если ни один из вариантов не подходит, то есть люди действовали и не в интересах Сталина, и не по его прямому указанию или косвенному намеку, молчаливому согласию, тогда это не люди Сталина: номинация не подходит, она использована неадекватно. Мы же, декодируя смысл теста, следуем постулатам Грайса, в частности постулату о небесмысленности высказывания.

Наши оппоненты по рассматриваемому вопросу говорят о еще одном развившемся значении слова: *люди кого-либо* в значении окружения, круга взаимодействия. Представляется, что указанное значение не является

самостоятельным, а входит семантической частью в то, которое описано нами ранее. Круг общения организуется вокруг кого-либо значимого, статусного. Люди кого-либо – это люди, связанные с этим кем-либо. Модель не работает, если речь идет о круге друзей, равных по статусу. Люди Путина – модель актуальна, так как Путин как лидер создает вокруг себя круг тех, кто находится с ним в разнообразных отношениях, но все-таки отношениях вторичности, подчинения. Проверим: люди Иванова – модель актуальна только в случае социальной значимости Иванова, иначе она деактуализируется, то есть маловероятна в реальности. В нашем случае речь идет о человеке, известном в регионе, а потому у него могут быть «свои люди» – при всей вариативности осмысления характера взаимосвязей между X и Y.

Четвертый шаг. Необходимым методическим элементом семантического анализа должно быть включение слова / конструкции в конкретный контекст, объяснение взаимосвязи микро- и макросемантики. Микросемантика – семантика языковых единиц простейшей организации (слово, словосочетание), макросемантика – смысл текста, специфика дискурса. Действительно, только конкретный контекст определит смысл конструкции *люди кого-либо сделали что-либо*. В тексте может идти речь о действиях, сущность которых не допускает предположения, что люди кого-либо действовали по его указанию: *Люди Петра III приняли сторону Екатерины*. Отметим, что словосочетание *люди Петра III* выражает уже описанные взаимоотношения причастности. Но действие, совершенное *людьми*, обозначает, что ранее подчиненные кому-либо и зависимые от кого-либо свой статус сменили. То есть на семантику модели-словосочетания повлияла семантика языковой единицы за его пределами. Так может быть, в современной речи произошли какие-либо изменения и, как считают наши оппоненты, *люди кого-либо* – это круг общения, и речь не идет о причастности самого *кого-то* к тому, что делают его люди? В данной ситуации представляется необходимым анализировать макроконтекст.

В нашем случае смысл публикации подтверждает неслучайность действий *людей кого-либо(X)* Читателю предлагается триада: мотив мести X – заинтересованность в результатах X – свидетельства причастности X к действиям людей X. Смысл извлекается, но современные журналисты используют стратегии ухода от правовой ответственности, и часто формализация смыслов при доказательстве их наличия / отсутствия требует опоры на цепочку смысловых взаимосвязей, что всегда кажется не вполне убедительным сторонникам формального подхода к анализу. Мол, в какой конкретной фразе сказано, что X имеет отношение к событиям? Это ведь не он сам, а его люди.

Автор настоящей статьи неоднократно выражал мысль о приоритете так называемого «бытового» понимания языковых единиц и моделей в целевом экспертном анализе речевого произведения при выяснении вопроса, какая именно информация была распространена [Иваненко 2016]. В таких случаях существенна не формальная констатация какого-либо факта, а типовое понимание информации реципиентами, определенное действующими на настоящий момент типовыми моделями форма-смысл. В частности, следующая фраза не содержит четкого указания на факт связи *людей* и тех публичных персон, представителями которых они являются: *В Челябинске начался мощный бизнес-конфликт между «людьми» экс-омбудсмена X и депутата Госдумы Y.*

Однако с точки зрения сложившихся моделей декодировки смыслов читатель извлек информацию о войне двух группировок под руководством своих лидеров. Трудно интерпретировать высказывание так, как будто X и Y в конфликте не участвуют, а их люди – это круг их общения с самостоятельными, отдельными от них интересами. А ведь именно сущность распространенной информации, то есть «бытовое понимание» читателя и существенно в таких случаях.

Этап пятый – рассмотрение семантико-грамматической конструкции в дискурсе, если есть такая возможность.

«Люди нашего царя» – так называется сборник рассказов Людмилы Улицкой, предваренный эпиграфом: «Каких только людей нет у нашего царя! Николай Лесков». Макроконтекст произведений как единого дискурсивного пространства позволяет интерпретировать название в философском ключе: царь наш небесный дает жизнь разным людям – с различными характерами, стремлениями, ценностями. Все под богом ходим и богом хранимы. В художественном произведении уровень обобщения всегда значителен, но характеристика взаимоотношений человека с Богом – сфера особенно тонкая, высоко интерпретативная и слабо верифицируемая. Поэтому в конструкции «люди нашего царя» связь со значением принадлежности между существительными в именительном и родительном падежах хотя и сохраняет свою обшемодельную семантику, но ослабляется из-за конкретного лексического наполнения, связанного с теософским осмыслением действительности. На лингвистическом языке ослабленность семантики принадлежности объясняется сформированной дискурсом всех рассказов отвлеченной семантикой существительного в родительном падеже *царь* – слова, в первом, прямом значении реализующего конкретное значение. Отсюда следует, что и дискурс может определить значение, поэтому его, безусловно, следует рассматривать.

На примере анализа конкретной лексико-грамматической конструкции, ставшей предметом правового и лингвоэкспертного спора, мы показали свою позицию по конкретному вопросу и продемонстрировали сформированное представление о методике семантического анализа языковой единицы в ходе осуществления лингвистического исследования в экспертных целях. Итак, обозначим этапы семантического анализа:

- анализ обобщенной грамматической модели (сущ. в именительном падеже + сущ. в родительном),
- анализ более конкретной семантико-грамматической модели, в которой одна синтаксическая позиция наполняется лексическим содержанием: *люди кого-чего*),

- анализ модели, реализованной лексическим составом, с учетом конкретных признаков второго слова (*люди Петрова*),
- включение лексикализованной модели в контекст, с учетом его стилистики и выражаемого текстом смысла,
- анализ конструкции в конкретном наполнении с учетом ситуативного контекста и дискурса.

Комплекс обозначенных действий и образует предлагаемую методику семантического анализа рассмотренного типа языковых единиц – семантико-грамматических конструкций. Для их осмысления, гораздо более неоднозначного, чем интерпретация слова, следует поочередно рассматривать каждый шаг наполнения модели лексическим содержанием и – самое главное – не опускать этап рассмотрения возможных вариантов интерпретации в зависимости от различных признаков каждого компонента (конкретность / отвлеченность, собственность / нарицательность, одушевленность / неодушевленность), а также от стиля, общего смысла микро- и макроконтраста, дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н. Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения. Аспекты семантических исследований. М., 1980. URL: <http://mir.zavantag.com/filosofiya/883958/index.html?page=26>
2. *Гашева Л. П., Иваненко Г. С., Казачук И. Г., Мительская Ж. З., Нестерова Л. Ю., Помыкалова Т. Е., Свиридова А. В., Соловьева А. Д., Чепасова А. М., Шиганова Г. А.* Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов. Челябинск, 2002.
3. *Иваненко Г. С.* Три мифа в вопросах экспертной квалификации объективного и субъективного. Юрислингвистика. 2016. № 5. С. 109–131.
4. *Иваненко Г. С.* Объективное и субъективное в конфликтном тексте: вопросы экспертной квалификации. Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 3. С. 311–326.
5. *Иваненко Г. С.* Текстовые тактики ухода от правовой ответственности при реализации стратегии дискредитации. Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 4. С. 134–137.

6. *Кацнельсон С. Д.* Речемыслительные процессы. Вопросы языкознания. 1984. № 4.
7. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М., 2009.
8. Словарь современного русского литературного языка. Т.6. М.-Л., 1957.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. To the Problem of Functional Types of Lexical Meaning [К проблеме функциональных типов лексического значения]. The Semantic Aspects of the research. Moscow, 1980. URL: <http://mir.zavantag.com/filosofiya/883958/index.html?page=26>
2. Guseva L. P., Ivanenko G. S., Kazachuk I. G., Michalska J. Z., Nesterova L. Yu., Pomykalov I.E., Sviridova A. V., Solovyov A. D., Chepasova A. M., Chiganova G. A. Structural and grammatical properties of Russian idioms [Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов]. Chelyabinsk, 2002.
3. Ivanenko G. S. Three Myths in Matters of Expertise of Objective and Subjective [Три мифа в вопросах экспертизы квалификации объективного и субъективного]. Jurilinguistics. 2016. № 5. P. 109–131.
4. Ivanenko G. S. Objective and Subjective Conflict in the Text: Questions of Expertise [Объективное и субъективное в конфликтном тексте: вопросы экспертизы квалификации]. Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of Institute for linguistic studies. 2016. Vol. 12. № 3. P. 311–326.
5. Ivanenko G. S. Text Tactics of Avoiding Legal Liability in the Implementation of the Strategy of Discrediting [Текстовые тактики ухода от правовой ответственности при реализации стратегии дискредитации]. Bulletin of Kostroma State University. 2013. Vol. 19. № 4. P. 134–137.
6. Katznelson S. D. Verbal and Cogitative Processes [Реchemyslitel'nye processy]. Problems of linguistics. 1984. № 4.
7. Kobozeva I. M. Linguistic Semantics [Lingvisticheskaja semantika]. Moscow, 2009.
8. Dictionary of Modern Russian Literary Language [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka]. V.6. Moscow–Leningrad, 1957.

СУГГЕСТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ

УДК 659.4:81'42, ББК 81.1, ГСНТИ 16.21.33, КОД ВАК 10.02.01

Е. А. Тихомирова

Минск, Республика Беларусь

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ТЕКСТАХ ФРЕНДЛЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Тексты социальных сетей позволяют изучать неформальное речевое поведение и ценности современников. Анализ поверхностно-синтаксического фрейма высказываний показывает, как адресант может воздействовать на собеседников, поэтому адресат должен уметь анализировать тексты.

Ключевые слова: неформальная коммуникация, пресуппозиции, поверхностно-синтаксический фрейм.

Сведения об авторе: Елена Александровна Тихомирова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Белорусского государственного университета. 220030, Беларусь, Минск, ул. К. Маркса, 31. E-mail: alena.tikhomirova@gmail.com

E. A. Tikhomirova

Minsk, Belarus

SPEECH INFLUENCE IN FRIENDLIST TEXTS OF THE SOCIAL NETWORK

Texts of social networks allow studying the informal speech behavior and values of our contemporaries. The analysis of the surface syntactic frame of utterance shows how the addresser can influence the interlocutors, thus, the addressee should be able to analyze texts.

Key words: informal discourse, presuppositions, surface syntactic frame.

About the author: Elena Alexandrovna Tikhomirova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Russian Language, Belarusian State University. 220030, Belarus, Minsk, ul. K. Marks , 31. E-mail: alena.tikhomirova@gmail.com.

Мы можем узнать что-либо о знаниях, эмоциях, намерениях других людей, только анализируя их тексты – креолизованные или вербальные произведения.

Социальные сети предоставляют возможности спонтанной коммуникации каждому пользователю интернета, поэтому размещенные в социальных сетях тексты позволяют исследователю изучать речевые и поведенческие практики участников коммуникации и, следовательно, важные для них ценности, способы оценки ими происходящих событий, а также манипуляции авторов текстов над убеждениями собеседников.

Русскоязычная часть социальной сети Facebook – место неформального общения представителей среднего класса, живущих не только в России, но и за ее пределами. В открытых группах Facebook'a обычно помимо модератора есть несколько активных интернет-пользователей, регулярно создающих посты и комментирующих сообщения других участников. Благодаря частотности публикаций они влияют на атмосферу общения в группе, провоцируют дискуссии и создают определенные мнения по обсуждаемым вопросам.

Личностно-ориентированный дискурс относительно не зависим от функционирующих в обществе социальных институтов и опирается на ранее усвоенные собеседниками коммуникативные нормы и привычки.

В социальной сети коммуникантов сближает и иллюзия статусно-ролевого равноправия: в опосредованном интернете общении все занимают одинаковый статус участника социальной сети, независимого или почти независимого от социального статуса в реальной действительности. Вследствие такого коммуникативного равенства собеседники уверены в наличии у них общих фоновых знаний, и поэтому интенции адресанта кажутся адресату понятными.

Однако каждый участник коммуникации волен выбрать – указывать реальные социальный, возрастной, гендерный статусы или выдуманные; называть настоящее имя, обыгрывать никнейм или воспользоваться данными зарегистрированного в сети человека. Такая возможность делает коммуникацию в сети социально рискованной и требующей контроля, успешность которого

определяется желанием читателя вникнуть в замысел автора, склонностью и умением адресата анализировать текст.

Опубликованные в социальной сети тексты, как и тексты устного бытового общения, характеризуются непринужденностью, неофициальностью, опорой на известную коммуникантам экстралингвистическую ситуацию. Большинство участников общения осознают неканоничность, по Дж. Лайонзу и Е. В. Падучевой [Падучева 1996: 199], речевой ситуации, потому что собеседники не находятся в одном месте, моменты создания поста и его прочтения не совпадают, хотя и могут различаться долями минуты. Автор поста не может знать всех, кто одновременно с ним участвует в коммуникативном акте.

Общаясь в открытых или закрытых группах социальной сети, собеседники не стесняются быть самими собой, искренне рассказывают о чувствах и событиях в личной жизни. Эти дискурсивные тактики приводят к тому, что участники сетевого общения не обращают внимания на различия между непосредственной и опосредованной интернетом коммуникацией и переносят навыки устного межличностного общения на речевое взаимодействие в группах. Например, приняты фамильярные этикетные формулы и откровенное обсуждение всех тем: *Ребятунки всем привет! В феврале едем в Рио, у нас есть 2 недели изучение красоты вашей страны! Помогите пожалуйста маршрутами, где и что снимать, <..> что стоит посетить, что нет, где и что покушать, дайвинг, экзотические места и острова!* (здесь и далее во всех примерах сохраняем орфографию и пунктуацию авторов); *Привет всем лягушкам со всех уголков мира! Расскажите, что в вашей стране принято делать со свадебным платьем после церемонии?; У меня такой вопрос - ПРИНИМАЕТЕ ЛИ ВЫ ПОДАРКИ ОТ ЛЮДЕЙ В ЧЕЙ ИСКРЕННОСТИ ВЫ СОМНЕВАЕТЕСЬ?; Добрый день, не первый раз обращаюсь к вам вы как семья которой очень не хватает. Надумала я учиться остаеовилась на массаже не смотря на то что дома работала бухгалтером. если есть в группе девчонки которые здесь учились Отзовитесь.....*

Многие наши современники настороженно относятся к текстам журналистов, рекламистов и политиков, но размещенные в социальных сетях тексты оценивают как безопасные сообщения. Общаясь в группах по интересам, коммуниканты относятся к собеседникам как к друзьям, часто и знают многих участников групп лично, встречаются в реальной жизни. Коммуниканты предполагают одинаковые пресуппозиции и поэтому воспринимают сообщения с установкой на доверие: *Дорогие участницы группы, давайте просто поговорим о чтении? Кто что любит читать?*

Однако необходимо учитывать, что авторы постов и комментариев имеют возможность профессионально манипулировать читателями и целенаправленно воздействовать на адресатов в открытых группах социальной сети. Некритичное речевое поведение в социальных сетях оцениваем как значительный социальный риск.

Наш материал – опубликованные в августе 2017 – январе 2018 тексты френдленты новостей Facebook'a. Мы анализируем лишь тексты и комментарии к текстам без пометы редактирования, потому что такие сообщения отражают навыки создания и письменного текста, и устной коммуникации.

Тематически наша выборка ограничена текстами об аресте Кирилла Серебренникова. О важности этой темы свидетельствует и пост филолога Ирины Левонтиной: *совсем недавно, встретив в посте сокращение КС, читатель склонен был понимать его одним образом – театрально-политическим*. Наш материал свидетельствует, что это событие затронуло людей, имеющих различные политические взгляды и живущих в разных странах. Авторы постов и комментариев к ним относятся к разным социальным группам: домработницы и домохозяйки, служащие, владельцы фирм, журналисты, преподаватели университетов, артисты... Разнообразие социальных характеристик коммуникантов позволяет делать обоснованные выводы о речевом поведении носителей языка при обсуждении важного общественного события, но из-за субъективности выборки не претендуем на статистическую точность.

Филолог может понимать и анализировать убеждения и эмоции авторов постов и комментариев к ним, исследуя заполнение слотов в поверхностно-синтаксическом фрейме высказываний.

Поверхностно-синтаксический, или валентный, фрейм отвечает конвенциям о том, как носители языка представляют предложения на этом языке и порядок слов в них.

В русском языке высказывания, как правило, структуры вида «глагол + имя». Это прототипическая конструкция. Пропозиция выступает в предложении носителем предикативности, а предикативность – сопоставление данному предикату его актантов, классификация которых была предложена В. Б. Касевичем и В. С. Храковским [Касевич и Храковский: 1983]. Наиболее типичным предикатом для европейских языков признан глагол.

Мы опираемся на положение С. Д. Кацнельсона, который еще в 1948 году писал: «Глагольный предикат – это нечто большее, чем просто лексическое значение, он <...> содержит макет будущего предложения» [Кацнельсон 1972: 83]. Корректность лингвистического анализа смысла высказывания поэтому определяется детальным описанием «сопоставления данному предикату его актантов» [Касевич и Храковский 1983: 12].

Способность глагола подчинять определенное количество актантов Л. Теньер анализировал как валентность – способность слова реализовываться в предложении, вступать в определенные комбинации с другими словами. Л. Теньер описывал фрейм глагола метафорически: «Глагольный узел <...> выражает <...> маленькую драму <...> в нем обязательно имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства» [Теньер 1998: 117]. Согласно Л. Теньеру, актанты – живые существа или предметы, участвующие в процессе в любом качестве, а сирконстанты выражают обстоятельства <...> в которых разворачивается процесс.

Следовательно, предикат характеризуется набором семантических валентностей – слотов, открываемых в высказывании данным словом.

Валентность задается ролью, которую выполняет при данном предикате заполняющий эту валентность терм (терминал).

А. Вежбицкая в «*Dociecania semantyczne*» показала жесткость разграничения субъектов, которым могут приписываться только психические или только физические предикаты [Wierzbicka 1969: 63]. По ее мнению, многозначные глаголы мы понимаем благодаря их левой валентности: при восприятии высказывания *Адам лежит на диване* в сознании адресата возникает картина лежащего на диване мужчины; *Тело Адама лежит на диване* – реципиент думает о неживом человеке.

Таким образом, структура высказывания включает валентные связи слотов и определяет понимание сообщения адресатом.

В прототипическом случае, как показал Ю. Д. Апресян, семантические и синтаксические актанты глагольных лексем находятся в отношении взаимоднозначного соответствия: каждому семантическому актанту данной лексемы соответствует один синтаксический актант, а каждому синтаксическому – один семантический [Апресян 2006].

Такое соответствие актантов обычно наблюдаем в продуманных или отредактированных текстах. Как правило, и расположение актантов при этом прототипично: субъект, предикат, объект, с традиционным выдвиганием в начало высказывания сирконстантов времени или места. Такие высказывания свойственны аргументированному научному тексту.

Строго логичное объединение компонентов текста вызывает почтение к его автору и убеждает адресанта в необходимости принять точку зрения уважаемого человека: *Мы можем рассчитывать не на сигнал сверху, не на доброе слово, сказанное кем бы то ни было, а на постепенное изменение отношения общества к насилию вообще и государственному насилию в частности. Изменение социальных норм, собственно, и влияет на все происходящее. Инструменты публичности работают.* В августе-сентябре таких публикаций было мало.

Из-за желания реагировать на событие быстро опубликованные в августе тексты обычно организовывались по формуле, распространенной в текстах СМИ и предполагающей слитное изложение конкретных фактов и суждений о них – «информация плюс анализ» [Лащук 2004]: *Дорогие дети, в том числе те, которых я когда-то учила писать новости. Посмотрите, прочтите и никогда так не делайте. В этой новости все лажа <...>*. И далее автор подробно анализирует, что не соответствует действительности в обсуждаемом им тексте СМИ и почему. Такое речевое поведение характеризует преподавателей университетов и известных российских журналистов, пытавшихся объяснить понимание ими общественной ситуации и прогнозировать ее развитие.

Однако пользователи Facebook'a реагировали на публикацию новостей быстро и эмоционально: *Открыла на ночь глядя френд-ленту впервые за день, а там <...> Вот где адище <...>*. Поэтому в большинстве текстов не наблюдаем соответствия семантических и синтаксических актантов, а на месте «вдоха-вздоха» авторы ставили многоточие.

В ноябре-январе тексты с корректным заполнением валентности сообщали о премьерах, но тексты о домашнем аресте и следствии отражали чувства авторов. В эмоциональных сообщениях с некорректным заполнением валентностей в высказываниях возрастает роль внутритекстовых связей. В не обдуманном заранее тексте смешиваются способы выражения цепной и параллельной связей: *Хорошо бы и следователей и прокурора для Кирилл Серебренников (Kirill Serebrennikov) с хорошей головой. А то срам какой-то... При таком общественном резонансе дела обязательно должно быть все открыто и ясно со стороны следствия! Пусть ведут колонку на сайте МВД с отчетами о «проделанной работе». Если правы – чего прятаться за Хозяина, дело же особого рода и подход должен быть ОСОБЫМ!*

Использование способов выражения только одного вида связи (например, цепной) может свидетельствовать о продуманности поста, но такой текст сильнее воздействует на адресата благодаря явной логичности: *Это год тотальных потерь. Год испытаний, которых не выдержал наш культурный*

элитный отряд. Струсил, смалодушничал. Сдал лучшего из элиты. Дело Седьмой студии – это позор нашего культурного цеха. Несмыываемый, постыдный позор.

Прототипическое заполнение валентностей, как уже неоднократно отмечалось лингвистами, нехарактерно для неинституциональной коммуникации. Тексты Facebook'а показывают недостаточное и избыточное заполнение валентностей. Несмотря на реальную или мнимую спонтанность публикации, и то и другое может быть риторическим приемом автора.

Наиболее частый прием в текстах августа-сентября, обусловленный как неподготовленностью речевого акта, так и желанием автора внушить адресату свое понимание действительности – перестановка элементов в высказывании: *Все сейчас возбуждены делом Серебренникова!*

Воздействие таких мнимых утверждений усиливается рамочным повторением слова с эмоциональной оценкой: *Как ни печально, но представители культуры стали загнивать под воздействием дикого капитализма и его следствия-жажды ниуемного потребления. Это печально.* По нашим наблюдениям, повтор оценки характеризует тексты, опирающиеся на риторику, напоминающую советскую агитационную практику.

Пользователи Facebook'а, стремясь воздействовать на собеседников, активно используют семиотические предпосылки вариативной интерпретации события. К семиотическим предпосылкам относится использование регулярных преобразований в описании какого-либо положения дел. Выделяются аннулирующие, фингирующие, индефинитизирующие и модальные преобразования [Левин 1998: 598].

Аннулирующее преобразование условно нейтрального описания дел [Баранов 2001: 219] типично для современной коммуникации, поэтому оно не осознается читателями и наиболее частотно в анализируемых нами текстах. Во многих текстах не заполнена позиция предиката, потому что автору важно обратить внимание адресатов на тему сообщения: *на злобу дня к делу Серебренникова проговорочки.* Отсутствие предиката, как правило,

сопровождается пропуском знаков препинания. Авторы уверены, что таким образом они привлекают внимание к тексту, а адресаты «восстановят» предикат благодаря тематике поста.

Из описания ситуации адресанты также часто исключают время или место события, его некоторых участников и т. п. Такие умолчания характерны для устной формы контактной коммуникации, позволяющей задавать уточняющие вопросы, но используются по привычке или нарочно для общения в сети.

Валентность во многих анализируемых высказываниях намеренно избыточная. Используя фингирующее преобразование, автор вводит в описание ситуации не содержащиеся там изначально детали, предметы, события. Такими деталями могут быть избыточные эпитеты, ссылки на выдуманное авторство и т. п.: *Нашему поколению повезло. Мы еще успели застать Театр. <...> Мы – это на языке режиссера Кирилла Семеновича Серебренникова – советские совки.* Часто такой деталью становится атрибут, известный авторам по фотографиям режиссера: *Учиться же тебе не пришлось, Кирюха! Ты же сразу – в режиссуру! Сразу кепку купил!*

Фингирующие преобразования частотны в опубликованных идеологизированных текстах СМИ, но редко отмечаются в спонтанной коммуникации и поэтому их частотность в сообщении позволяет предположить целенаправленную риторическую обработку.

Поскольку авторы стремятся выразить сильные чувства, воздействовать на эмоции адресатов, в текстах частотны модальные преобразования, благодаря которым в описание ситуации «входят» оценки, мнения, общие у адресанта и адресата пресуппозиции.

По нашим наблюдениям, модальные преобразования в текстах Facebook'а основаны на распространенных в разговорной речи метафорах, субстандартной лексике и тех риторических средствах, которые можно отнести к приемам профессионального троллинга.

В августе-сентябре модальные преобразования использовали авторы, обвинявшие Кирилла Серебренникова. А зимой ситуация изменилась.

Метафорами насыщены тексты тех авторов, кто пытается как можно точнее описать ситуацию и осмыслить ее: *по истечении какого-то времени подделка не подменяет собой жизнь – но оборачивается своей изнанкой; подкладка подделки! Пугающе, червиво правдива!.. Ее мы и наблюдали весь 2017 год; худшее, дремавшее на самом дне, подымается вместе с илом, оживает в виде нового средневековья нравов, и начинает исторгать свой ад – такой, что даже Кремль крикает от удивления; нет-нет, это уж слишком, убавьте там звук, на дне, фонит.*

Так как это неформальное общение, авторы активно используют ненормативную лексику. Функционирование субстандартной лексики обычно связано с направленностью коммуникации и ролью Другого в речевом акте. Адресант не только снимает эмоциональное напряжение, но и демонстрирует себя, подчеркивает свою роль в вербальном взаимодействии, ставит себя выше собеседника.

Осознавая эти функции социально неприемлемой лексической группы, некоторые адресанты обращают внимание читателей на необходимость, вынужденность использования именно таких слов: *появились у меня слова. матерные.*

Обычно подобные слова функционируют в позиции предиката. Их употребление не зависит от социального статуса автора текста, но можем отметить закономерность: люди с высоким уровнем образования (преподаватели вузов, редакторы СМИ, актеры...) с помощью матерных слов оценивают ситуацию. Люди, в других постах жалующиеся на жизнь, бранными словами характеризуют арестованного, и тем самым не только отрицают презумпцию невиновности и проводят границы между собой, своими друзьями и обвиняемым, но и публично, не боясь наказания, оскорбляют его. Обычно в высказывании появляется и избыточный слот с обобщающим значением: *вся актерская шайка-лейка.*

Анализ конструкций позволяет выделить в комментариях к постам профессионалов троллинга. Их высказывания отличаются следующие

характеристики: использование идиом с разговорной или просторечной окраской, выделение капслоком ключевой фразы, навязчивая парцелляция, повторение названных в предыдущих текстах лексических оппозиций, употребление указаний *несомненно, известно, очевидно* и т. п. в начале фраз, нанизывание оценочных слов, выражение предиката отглагольным существительным (номинализация): *Верю – не верю... Дебильное бляение инфантилов от культуры. Очевидно, что воровали и воровали на широкую ногу. НЕЗАЧЕМ ВЛАСТИ ЛЕЗТЬ В ТАКОЙ СКАНДАЛ, если есть хоть какая-то неочевидность.*

На троллинг указывает и использование форм множественного числа вместо единственного: *"читка" новой пьесы с актерами 300 000 руб. (отчет для МК о потраченных средствах). Они всех уже за идиотов держат.*

Наиболее частым приемом троллинга в рассматриваемой группе текстов была постановка бранного слова в однородный ряд имен уважаемых людей или наименований СМИ: *Дождь, РБК и другая помойка, не мерьте людей по себе.*

Также в комментариях на Facebook'е наблюдаем избыточное функционирование наречий, которые должны убеждать адресата в компетентности комментатора.

Для подобных высказываний характерно функционирование форм множественного числа, слов с обобщающим значением и актуализация значений настоящего времени. При этом автор противопоставляет свои действия действиям большинства.

За редким исключением авторы постов не боятся ошибиться и не используют модальную рамку (*я думаю, предполагаю* и т. п.). Это позволяет им выдавать субъективное мнение за общепринятое утверждение: *<...> пожилой бухгалтерши, которая, ну никак не могла бы украсть даже один миллион без воли на то своего руководителя!...*

Почему важно анализировать заполнение слотов в текстах социальных сетей, в частности Facebook'а? М. М. Бахтин писал, что мы говорим чужими высказываниями. По мысли Б. М. Гаспарова, речь человека опирается на

«цитатный фонд» памяти: «Языковая память каждого говорящего формируется бесконечным множеством коммуникативных актов, реально пережитых и потенциально представимых» [Гаспаров 1996: 106]. Усвоенные в социальной сети коммуникативные фрагменты становятся компонентами речевых практик пользователей, свойственными им способами осмысливать действительность. Очень важно в связи с этим положение Е. В. Падучевой о том, что носитель языка обычно не чувствует необходимость выявлять контексты, релевантные для значения слова, и изучать изменение исходного значения под влиянием контекста [Падучева 2004].

Каждый человек должен научиться вычитывать смысл или его отсутствие из предлагаемых ему текстов. Адресат текста обязан уметь различать истину и то, что автор хочет выдать за истину. Какие элементы в тексте позволяют автору сделать эти понятия неразличимыми? Что помогает адресанту манипулировать восприятием текста читателем? Задача филолога – предупреждать общество об опасных установках авторов текстов, напоминать носителям языка о необходимости критично воспринимать все получаемые ими сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю. Д.* Типы соответствия семантических и синтаксических актантов. Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2006. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/apresyan-06.htm>
2. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
3. *Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
4. *Касевич В. Б., Храковский В. С.* Конструкции с предикатными актантами: Проблемы семантики. Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983. С. 5–27.
5. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
6. *Лацук О. Р.* Редактирование информационных сообщений. М., 2004. URL : <http://evartist.narod.ru/text3/46.htm>
7. *Левин Ю. И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.

8. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М., 1996.
9. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. СПб., 2004.
10. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
11. *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wroclaw, 1969.

REFERENCES

1. *Apresyan J. D.* Types of Correspondence of Semantic and Syntactical Actants. Problems of Typology and General Linguistics [Типы соответствия семантических и синтаксических актантов. Проблемы типологии и обшей лингвистики]. St. Petersburg, 2006. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/apresyan-06.htm>
2. *Baranov A. N.* Introduction to Applied Linguistics [Введение в прикладную лингвистику]. М., 2001.
3. *Gasparov B. M.* Language. Memory. Image. Linguistics of Language Existence [Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования]. М., 1996.
4. *Kasevich V. B., Khrakovsky V. S.* Constructions with Predicate Actants: Problems of Semantics. The Categories of the Verb and the Structure of the Sentence: Constructions with Predicate Actants [Конструкции с предикатными актантами: Проблемы семантики. Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами]. Leningrad, 1983. P. 5–27.
5. *Katznelson S. D.* Typology of Language and Speech Thinking [Типология языка и речевого мышления]. Leningrad, 1972.
6. *Lashchuk O. R.* Editing of Information Messages [Редактирование информационных сообщений]. Moscow, 2004. URL : <http://evartist.narod.ru/text3/46.htm>
7. *Levin J. I.* Selected Works. Poetics. Semiotics [Избранные труды. Поэтика. Семиотика]. Moscow, 1998.
8. *Paducheva E. V.* Semantic Research: Semantics of Time and Aspect in Russian; Semantics of Narrative [Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива]. Moscow, 1996.
9. *Paducheva E. V.* Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary [Динамические модели в семантике лексики]. St. Petersburg, 2004.
10. *Tesnière Lucien.* Elements of Structural Syntax [Éléments de syntaxe structurale]. Moscow, 1988.
11. *Wierzbicka A.* Semantic Research. Wroclaw, 1969.